

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ (1859—1861 гг.)

Статья и публикация М. Нечкиной

ВОПРОС О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ПЛАНАХ ОТКРЫТОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ В КОНЦЕ ПЯТИДЕСЯТЫХ — НАЧАЛЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

1

В «пражской коллекции» Герцена и Огарева, входящей в состав фондов Русского заграничного исторического архива ЦГАОР, хранятся ценнейшие документы по истории русского революционного движения конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Они относятся к наименее изученной в исторической литературе теме первостепенной важности — к вопросам о создании русской революционной организации, о подготовке открытого выступления, о конспиративной деятельности русских «революционеров 1861-го года» (Ленин)¹.

Советские историки кладут в основу изучения революционного движения в России известную периодизацию, данную Лениным². Период дворянской революционности сменяется, как указал Ленин, разночинским периодом, за ним следует пролетарский период русской революционной борьбы. Периодизация эта установлена Лениным в соответствии с тремя классами, сменявшими друг друга в истории русской революции и налагавшими свою печать на движение. Пролетарский период революционного движения ознаменован тремя революциями, из которых последняя — Великая Октябрьская социалистическая революция — положила начало новой эре в истории человечества, уничтожила эксплуатацию человека человеком и открыла человечеству путь в будущее. Советский народ построил социализм и уверенно идет к коммунизму.

Вопросы конспиративной деятельности русских революционеров, создания революционных организаций, их внутренней истории, подготовки открытого выступления — освещены в литературе о трех периодах русского революционного движения крайне неравномерно. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что эти проблемы наименее разработаны для второго — разночинского — этапа русской революционной борьбы.

Изучая славный путь русского революционного движения, который Ленин начинает восстанием декабристов, историк, исследующий первый этап движения, вполне может по многочисленным архивным документам декабристов (главным образом на основании их следственного дела) восстановить историю первой русской революционной организации, начиная с самых ранних ее этапов. Можно проследить, как формировалось тайное общество, как созревала в нем идея открытого революционного выступления, как было подготовлено первое в истории русского революционного движения открытое восстание с оружием в руках во имя ликвидации крепостного права и уничтожения самодержавия. Но именно эти вопросы являются наиболее темными для второго — разночинского — этапа русской революционной борьбы. Революционная ситуация 1859—1861 гг. так и не перешла в революцию, открытого революционного выступления не произошло. Между выступлением первых русских революционеров

в декабре 1825 г. и декабрьским вооруженным восстанием 1905 года, — нет крупных открытых выступлений, подготовленных и руководимых революционной организацией. Однако мысль о необходимости создать революционную организацию и готовить открытое выступление получила свое дальнейшее развитие сейчас же после восстания декабристов. Она явилась даже в слабых студенческих кружках конца двадцатых — начала тридцатых годов: в кружках братьев Критских, Сунгурова, в студенческой организации, сложившейся вокруг молодых Герцена и Огарева. Мысль о создании тайного общества и о подготовке открытого выступления зреет и среди петрашевцев. Их общество было разгромлено царским правительством в 1849 г., как раз в момент созреваания этих вопросов. 1862 год считается в литературе годом создания значительной революционной организации — первой «Земли и Воли». Но то десятилетие, которое отделяет общество петрашевцев от «Земли и Воли» шестидесятых годов, в сущности является «белым пятном» в истории интересующих нас вопросов, — они чаще всего молчаливо снимаются в исторических работах. Изучение революционного движения этих лет обычно ограничивается характеристикой революционных идей, и деятельность революционеров как-то замыкается в рамки кабинетно-авторской или редакционной работы (Чернышевского и Добролюбова в «Современнике», Герцена и Огарева — преимущественно в «Колоколе»). Даже для периода революционной ситуации 1859—1861 гг. обычно не ставятся вопросы о конспиративной деятельности русских революционеров, о замыслах создания революционной организации и планах открытого выступления. Эти вопросы в неясной форме возникают лишь для последующих лет, но и тут остаются неосвещенными: специальной исследовательской работы о «Земле и Воле» шестидесятых годов пока еще не опубликовано. Таким образом важный компонент в создании революционной ситуации оказывается недостаточно изученным, и существенные вопросы, поставленные выше, нередко обходятся молчанием даже в специальной монографической литературе о Герцене и Чернышевском, вышедшей за последние годы³. Незнание вопроса благоприятствует либеральной концепции, утверждающей, что Герцен и Огарев в годы революционной ситуации стояли по ту сторону революционной баррикады, в общем подпевали русскому правительству, занявшемуся реформой (хотя и критиковали его в отдельных случаях), а на революционные позиции перешли якобы лишь после реформы, когда убедились в ее неудаче, узнали о Безднинском расстреле, о высоко поднявшейся волне крестьянского протеста против царской «воли».

Изучение узловых вопросов революционного движения первой половины XIX в. базируется преимущественно на следственно-судебных материалах: декабристы, кружок Критских, кружок Сунгурова, общество Петрашевского изучаются в немалой доле на основании следственных показаний и судебных приговоров. Но следственные материалы шестидесятых годов крайне скупы и на многие вопросы отвечают молчанием: «революционеры 1861-го года» оказались прекрасными конспираторами. Чернышевский, брошенный в Петропавловскую крепость, так и не признался в авторстве прокламации «Барским крестьянам», а В. Обручев, несмотря на все меры давления в стенах тюрьмы, не выдал имени лица, от которого получил прокламации «Великорусс» — мы так и не знаем этого имени. На многие вопросы такого же характера мы не можем еще дать ответа. Чернышевский считал, что имя его жены «принадлежит истории» — почему? Ответ можно предположить один — вероятно, потому, что Ольга Сократовна Чернышевская принимала участие в конспиративной работе. Но какое именно? Вероятно, значительное, если Чернышевский считал, что ее имя будет в числе тех имен, которые будут милы людям, несмотря на прошедшие «сотни лет» («наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами»⁴). Немало прямых указаний «революционеров 1861-го года» на их конспиративную работу доселе остается для нас неясным, неисследованным. Едва ли кто-либо усомнится, что Добролюбов говорит о конспиративной работе в следующих стихотворных строках, относящихся ко времени революционной ситуации:

Я — ваш, друзья,— хочу быть вашим
На труд и битву я готов,—
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов⁵.

Но о каком союзе идет речь и что именно имеет в виду Добролюбов — попытки ответить на этот вопрос нет в исследовательской литературе.

Революционное поколение пятидесятых и шестидесятых годов оставило мало мемуарных свидетельств о конспиративной работе, было крайне скупо на конкретные факты и имена. Даже самые подробные и блестящие по художественным достоинствам воспоминания Герцена — «Былое и думы» покрывают молчанием многие важнейшие конспиративные события своего времени (например, приезд Чернышевского в Лондон в 1859 г.). Тем большую ценность приобретают для исследователя новые архивные материалы, входящие в «пражскую коллекцию».

Настоящая публикация содержит полный текст пяти неопубликованных документов из этой коллекции, по-новому освещающих вопрос о конспиративной деятельности русских революционеров в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Тексты этих документов *первые публикуются полностью*. Ранее они были лишь частично цитированы в моей работе «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации», опубликованной в 1947 г. в «Известиях Академии Наук СССР»⁶. Отдельные выдержки из этих же документов приводились также в нескольких неопубликованных диссертационных работах и в текстах соответствующих авторефератов⁷.

Цель настоящей статьи — охарактеризовать содержание документов, выдвинуть основания для их датировки и поставить главные исследовательские вопросы, вытекающие из содержания вновь публикуемых материалов. Полное исследование этих вопросов может быть развернуто лишь в работе монографического характера⁸.

О чем же говорят публикуемые документы и какие вопросы ставят они перед исследователями русского революционного движения?

Для того чтобы правильно подойти к раскрытию содержания новых документов, необходимо вспомнить о некоторых существенных особенностях мировоззрения и деятельности Герцена и Огарева в их молодые годы.

2

Общий замысел Герцена и Огарева создать в России тайную организацию для революционной борьбы, имеющей целью утверждение нового общественного строя, возникает у них еще в студенческом кружке самого начала тридцатых годов, если не раньше. Это засвидетельствовано самим Герценом: «Мы вошли в аудиторию с твердой целью в ней *основать зерно общества по образу и подобию декабристов* и потому искали прозелитов и последователей» (XIII, 574; подчеркнуто мною. — *М. Н.*). Далее, раскрывая тематику горячей юношеской агитации, Герцен пишет: «...мы проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе...» (XIII, 575).

Какой именно характер носила эта проповедь? «Пуще всего», по тому же свидетельству, члены кружка «проповедовали ненависть ко всякому насилию, ко всякому правительственному произволу» — здесь уясняется их общая позиция по отношению к самодержавию. Если вспомнить клятву юных Герцена и Огарева на Воробьевых горах после казни декабристов — «посвятить всю жизнь на избранную нами борьбу» и еще более раннюю клятву одного Герцена в Кремле (в июле 1826 г.) во время благодарственного молебна царя за «успешную» казнь декабристов — клятву мальчика 14 лет, обрекавшего себя «на борьбу с этим тронem, с этим алтарем, с этими пушками» (VIII, 225), становится совершенно ясен генезис идеи о тайном обществе. Эта идея была и развитием уже создавшейся в годы декабристов русской революционной традиции и естественной формой замысла организации сил на новом этапе борьбы.

Отсюда ясен и смысл герценовских слов: «...из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылевым, и (...) мы будем в ней» (XII, 108). «Фаланга», идущая вслед за декабристами, конечно, не мыслится как случайная,

разрозненная толпа, а, очевидно, представляется Герцену как организация. И члены содружества Герцена и Огарева рассматривали свой кружок как предшественника такой организации.

Публикуемая в настоящем томе «Лит. наследства» «Моя исповедь» Огарева доносит до нас даже еще более раннюю форму того же решения: оказывается еще до вступления в университет друзья решили составить «литературный круг, нечто вроде своей академии», но отец Огарева догадался о тайной цели «академии» и решительно запретил подобные сборища в своем доме, усмотрев в них путь «к политическим обществам». Намерение это возникло вскоре после клятвы на Воробьевых горах⁹.

Поступив в университет и организовав кружок, Огарев и Герцен сделали свой замысел еще тогда достоянием товарищей, — об этом говорит не только приведенное выше прямое свидетельство Герцена, но также «Исповедь лишнего человека» Огарева. Последняя также доносит этот замысел с полной ясностью:

Я помню комнатку аршинов в пять,
Кровать, да стул, да стол с свечою сальной...
И тут втроем мы — дети декабристов
И мира нового ученики,
Ученики Фурье и Сен-Симона, —
Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основую положим социализм,
И чтоб достичь священной нашей цели,
*Мы общество должны составить тайне*¹⁰
*И тайне шаг за шаг распространять*¹⁰.

Идея создания тайного общества была вполне закономерной, и следует удивляться не тому, что Огарев и Герцен и позже, в пятидесятых годах, разрабатывали план создания тайной организации, а тому, что наша исследовательская литература столь мало обращала внимания на историю этой плодотворной идеи русского революционного движения на отрезке времени между восстанием декабристов 1825 г. и крестьянской реформой 1861 г. Эта идея вообще никогда не уходила из русского революционного движения. Нет сомнений, замечание Герцена о том, что он в годы университетского кружка «с <...> безумной неосторожностью делал пропаганду» (XII, 108), относится и к этому замыслу — организации тайного общества. Идея эта не покидала русского революционного движения и в последующие годы — деятели движения в период между 1830 и 1861 гг. вовсе не полагали, что только устная агитация и пропаганда печатным словом являются единственно приемлемыми формами практической деятельности людей, отдающих себя идее общественного преобразования. «Дело Петрашевского напомнило о необходимости тайных обществ там, где явные общества недожеланы»¹¹, — писал в предисловии к сборнику «Потаенная русская литература» тот же Огарев, которого Герцен и в 1859 г. по-старому называл в своем письме «другом Воробьевских гор» (X, 80). Герцен, вспоминая в 1855 г. свою отроческую клятву в московском Кремле, утверждал, что он продолжает стоять «под тем же знаменем, которого не покидал ни разу...» (VIII, 225). Следовательно, постоянство принятого революционного принципа, его неизменность в основном были существенной чертой революционного мировоззрения Огарева и Герцена по их собственному мнению.

Поэтому неудивительно, что после приезда Огарева за границу в 1856 г. идея создания тайной организации возникла вновь в новой обстановке.

Огарев привез с собой из России атмосферу общественного оживления, начавшегося после Крымской войны и вызванного общим кризисом крепостного строя. Подъем общественного движения в России явственно сказывался и на отношении русских читателей к изданиям Вольной русской типографии: прежнее затишье

сменилось гулом дружеских голосов, и сотни рук тянулись «из-за кордона» к изданиям Герцена и Огарева. «В мае месяце 1856 года вышла вторая книжка „Полярной звезды“; она разошлась, увлекая за собой все остальное», — вспоминали Герцен и Огарев об этом переломе в своем предисловии к сборнику «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне» (1863). «Вся масса книг тронулась. В начале 1857 года не было больше в типографии ничего печатного (...)» (XVI, 134).

Самая встреча друзей в этом же, 1856 г. оказалась стимулом для созревания нового замысла. Опубликованная Б. П. Козьминым в 1941 году в т. 39-40 «Лит. наследства» «Записка о тайном обществе» Огарева и возникает именно в этой атмосфере. Она относится, как теперь устанавливается, к началу 1857 г., прежнюю ее датировку, предложенную Б. П. Козьминым, необходимо заменить более точной¹².

Публикуя «Записку о тайном обществе», Б. П. Козьмин находил, что она «чрезвычайно характерна для политических настроений Огарева накануне отмены крепостного права» и в силу этого считал, что «записку можно датировать 1860 годом». Комментатор опирался при этом на имевшуюся в рукописи формулировку, говорившую о необходимости освобождения крестьян от крепостного права, иначе говоря, базировался на том несомненном факте, что рукопись написана до 1861 г. Однако более пристальное изучение вопроса показало, что имеются серьезные основания для уточнения приведенной выше датировки.

Как указано Б. П. Козьминым, «Записка о тайном обществе» «воспроизводится по записной книжке Огарева № 22, хранящейся в Рукописном отделении Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина». Обращение к подлиннику дало довольно неожиданные результаты. Оказывается, часть своих аргументов по датировке Б. П. Козьмин почерпнул совсем из другой рукописи, которая находилась на отдельном листке и была ошибочно подшита (Е. А. Некрасовой) в тетрадь № 22, к тексту интересующей нас записки. Б. П. Козьмин принял этот вложенный листок за действительный конец «Записки о тайном обществе» и подкрепил содержанием этого отдельного листка свою неточную датировку всего документа в целом¹³.

Между тем самое положение «Записки о тайном обществе» в тетради № 22 позволяет датировать ее более точно. Записная книжка Огарева за № 22 представляет собою переплетенную, цельную тетрадь одинаковой бумаги (с водяным знаком 1854 г.); тетрадь эта последовательно заполнялась новыми записями. Открывает ее «Записка о тайном обществе». За нею следует текст «Что сделано для освобождения крепостных людей», являющийся заметкой о действиях Главного секретного комитета, организованного Александром II в январе 1857 г. Заметка была напечатана в 1-м листе «Колокола» от 1 июля 1857 г. Вслед за этой заметкой идет письмо к А. В. Головнину, датируемое мартом—апрелем 1857 г.¹⁴ За ним следуют еще две записи и далее часть статьи об «Отчете г. министра внутренних дел за 1855 год», также опубликованной в 1-м листе «Колокола» от 1 июля 1857 г. Таким образом «Записка о тайном обществе», несомненно, относится к 1857 г. и написана ранее статей, опубликованных в 1-м листе «Колокола» и ранее весеннего письма к А. В. Головнину. Отсюда ясно, что мы должны отнести «Записку о тайном обществе» к началу 1857 г.

Заметим, что в этой же тетради № 22, после записи «Отчет г. министра внутренних дел за 1855 год», находится статья «Что бы сделал Петр Великий?», написанная, следовательно, *позже* интересующей нас «Записки о тайном обществе». С. Переселенков, опубликовавший в «Лит. наследстве» статью «Что бы сделал Петр Великий?», правильно отнес ее к самому началу царствования Александра II, «к 1856 г. или к первой половине 1857 г.», так как она «находится в тетради, где помещены другие работы Огарева, заведомо относящиеся к этому времени»¹⁵. Уже одно это могло бы обратить внимание публикатора «Записки о тайном обществе» на неправильность предположенной им датировки: ведь публиковавшийся им документ был расположен в тетради *ранее* статьи «Что бы сделал Петр Великий?». Из всего сказанного ясно, что датировка интересующего нас документа 1860 годом ошибочна: «Записка о тайном обществе» должна датироваться началом 1857 года.

Основной смысл «Записки о тайном обществе» — горячий и убежденный призыв приступить к практической организации русского тайного общества. Для чего же?

Какую основную цель должна поставить перед собой тайная организация? В «Записке» цель эта определена как новое общественное устройство, отвечающее идеалу «полезного в общественном смысле» или такому строю, который обеспечивает «свободу личности» и ее «равное распределение в общественном устройстве», т. е. примиряет эту свободу с необходимостью существования человеческого коллектива. Таким образом речь идет о строе, примиряющем свободу личности с коллективом. Нетрудно узнать в этой формулировке давно знакомые исходные предпосылки построений утопического социализма. «...Что значит полезное в общественном смысле?» — спрашивает Огарев в «Записке» — и продолжает: «Я смело отвечу: все, что клонится к свободе личности и к равному распределению ее в общественном устройстве, словом, все, что может хотя приблизительно примирить нестигаемую независимость лица и его действий с необходимостью рода людского, лежащую *in natura rerum* *, жить стадом. Я думаю, это самое общее выражение смысла *полезного*». Вот во имя этого «полезного в общественном смысле» и предполагает Огарев прежде всего борьбу за завоевание главной, по его мнению, предпосылки, обеспечивающей достижение цели — за «ясность мысли» в головах независимых людей и за соответствие поступка с мыслью. Тогда будет обеспечено, по его мнению, решающее средство достигнуть «полезного в общественном смысле». В самом начале «Записки» мы читаем: «Что же делает личность внутренне свободною? Ясность мысли и адекватность поступка с мыслью. Что делает личность независимой? Немешание окружающей среды ясно мыслить и действовать. Итак, полезное в общественном смысле — это знание, т. е. наука, и отстранение препятствий, мешающих человеку ясно мыслить и действовать». Таким образом, во-первых, необходимо распространение истинной науки, знания, которое внесло бы ясность в головы людей и обеспечило бы правильность их действий. Иначе говоря, нужна прежде всего агитация и научная пропаганда, завоевывающая сторонников нового, расширяющая кадры борцов против обветшавшего старого.

Если будет разрешена эта первая и важная задача, а именно — внесение ясности в головы людей, усвоение ими истинного понимания действительности и устранение препятствий, мешающих им ясно понимать действительность, тогда, думает Огарев, возможно будет достичь и необходимого общественного преобразования. Это преобразование Огарев называет в «Записке» «гражданскими реформами». Поясняя далее: «гражданские реформы, т. е. приобретение права гражданства», а еще ниже уточняет, что речь идет о «приобретении гражданских прав, *сообразных с нашими понятиями*». Еще дальше слова «гражданские реформы» пояснены как «*практические гражданские реформы*» (подчеркнуто мною. — М. Н.).

Итак, речь идет о глубоком преобразовании общества, характер которого и Герцен и Огарев давно и многократно определяли, вырабатывая свое мировоззрение; это был идеал нового — социалистического — общественного устройства, в котором не было бы эксплуатации человека человеком. Речь идет, разумеется, об идеале утопического социализма, в котором нет «ни грана» социализма научного, — утопический социализм на деле был лишь оболочкой буржуазного революционно-демократического мировоззрения. Правильных путей к социализму утопические социалисты — Герцен и Огарев, — конечно, еще не знали и, остановившись «перед историческим материализмом», и не могли знать. Но, вдумываясь в очередные исторические задачи, разрешение которых двигало бы их к цели, они правильно наметили борьбу за разрушение крепостного права и самодержавия, старого царского чиновно-бюрократического строя, который они ненавидели всей душой. Бороться за эти большие исторические цели они решили не в одиночку, и не вдвоем, а путем создания тайного политического общества, которое «полезно, возможно и необходимо».

На первых же страницах своей «Записки» Огарев обсуждает вопрос: «Должно ли быть это общество исключительно русское или повсеместное? Последнее увлекательно широкостью своей задачи...». Из этой постановки вопроса еще раз с несомненностью явствует, что речь идет о большом, принципиального характера общественном перевороте, о широком общем идеале утопического социализма. Социализм мыслился

* в природе вещей (лат.).

утопистами как новое общественное состояние, равно желательное для всех стран; его еще не достигла ни одна страна, он — цель человечества. Отсюда — постановка вопроса о возможности и желательности «повсеместного» тайного общества, т. е. общества во всех странах, которое боролось бы за новый строй повсеместно, стремилось бы реализовать указанный выше социалистический общественный идеал. Однако вопрос этот поднимался Огаревым и Герпеном после 1848 г., когда ими уже были поставлены под сомнение революционные возможности Западной Европы. Буржуазия Франции в 1848 г. предала и раздавила борьбу пролетариата. «...Искреннего центра общества с европейцами не составишь в настоящее время», — пишет Огарев в «Записке». Поэтому он и не ставит в данный момент этой задачи перед тайным обществом. Но создание общеевропейской или даже «повсеместной» организации тайного общества отклонено автором не с теоретических позиций (теоретически такая задача, по его мнению, была бы правильна), а с позиций чисто практической политики: «...исключительно русское общество для нас возможнее, и потому начинать надо с него».

Русское же тайное общество, создаваемое во имя выполнения поставленного общественного идеала, должно быть организовано, по Огареву, следующим образом.

Прежде всего создается руководящий центр тайного общества. Центр этот не имеет «нужды во многолюдстве»; он должен быть немногочисленным, но глубоко спаянным полнейшим и нерушимым единством убеждений и принимаемых решений: «центр должен быть искренен, как бы одно лицо». Понимание центром положения вещей должно быть «энциклопедическим»: «Записка» полагает, что члены руководящего центра «должны выражать три отрасли знания: естествознание (от математики до медицины и техники), экономическую науку и юриспруденцию».

Печатный орган — необходимое орудие центра: «Центр должен иметь свой орган в печати, где бы его понятия высказывались как можно более цельно». «Записка» содержит самую широкую просветительную программу пропаганды положительных знаний; в этом отношении она — замечательный документ русского революционного просветительства. «Записка» характеризует обширную систему мероприятий, над которыми должно работать тайное общество. Перечислим их кратко, поскольку «Записка» опубликована и уже десять лет находится в руках исследователей.

«Записка» предлагает одиннадцать крупных пунктов программы, помеченных латинскими буквами от А до L (с пропуском буквы J) и добавляет к ним еще семь «частных вопросов» (продолжая их нумерацию теми же латинскими буквами от M до S).

Приводим это тематическое членение основной практической задачи в программе Огарева:

- А) Финансовый оборот для выкупа крепостных людей с землею.
- В) Государственные крестьяне.
- С) Чиновничество.
- Д) Промышленность.
- Е) Народное образование.
- Ф) Духовенство.
- Г) Среднее сословие.
- Н) Значение капиталов в России, их количество, ценность, оборот. Отношение к массам потребителей и производителей. Будущность капитала и труда в России при освобождении крепостных людей, преобразовании чиновничества и системы налогов. Отношение земельной собственности к капиталу. Отношение денежного капитала к иным движимым и недвижимым имуществам.
- И) Юридическое состояние государства и изменение его.
- К) Племенное, физиологическое и патологическое состояние народонаселения.
- Л) Геолого-метеорологическое состояние государства и его отношение к растительности.

Большинство из перечисленных пунктов, в точном соответствии с основным замыслом тайного общества, содержит, с одной стороны, меры, просвещающие мысль и устанавливающие истинно-научные понятия; с другой стороны — меры, говорящие о переходе мысли к действию, поступку — практические мероприятия. Так, в пункте «В», после изучения вопроса о налогах, предлагается практическое применение:

«возможная новая метода податей и взимания оных». В пункте о чиновничестве, после программы изучения его существа, идет вопрос: «как изменить чиновничество». Тут можно вспомнить, что в «Колоколе» за 1858 г. была помещена статья «Преобразование чиновничества». В вопросе о духовенстве, после изучения вопроса о семинариях, предложена мера: «присоединение оных к общей системе университетского преподавания». Некоторые пункты программы остаются нераскрытыми и не содержат перечисления практических мер, — это говорит о ранней стадии разработки программы. Очевидно, на этом этапе идея тайного общества вступала в новую фазу своего существования и сталкивалась с более сложной действительностью. Нужно было охватить изучением и практическими мероприятиями сложный и широкий круг явлений. Среди «частных вопросов» записка выделила рекрутство, удельные и помещичьи имения, организацию армии и ряд других, причем Огарев заметил: «Конечно, это далеко не все, но вот вопросы, которые центральное общество должно: 1) Уяснить себе. 2) Сделать популярным для большинства посредством печати...».

Таким образом, задуманное Герценом и Огаревым одновременно с замыслом издания «Колокола» русское тайное общество не было для них совершенно новой и впервые разрабатываемой идеей — оно было закономерным развитием давнего замысла. Замысел создания тайного общества не был новым в жизни Огарева и Герцена — это было их давним принципиальным решением.

Общество, задуманное Огаревым в 1857 г., должно было прежде всего подготовить почву для последующего переворота — коренного изменения всего общественного строя жизни. Конечно, никак нельзя, как это делает Б. П. Козьмин, назвать это общество «просветительной ассоциацией» и усмотреть его слабость, скажем, в самом факте пропаганды естественно-научных знаний. Конечная цель общества — глубокий общественный переворот, тактика общества — *подготовка* к перевороту, в том числе — пропаганда основ научного мировоззрения.

Подчеркнем, что именно публикатор и первый комментатор «Записки о тайном обществе» Б. П. Козьмин совершенно правильно отметил, что «основная цель этого общества — подготовка переворота» и что пропаганда предпринимается «в целях организации общественного мнения и подготовки его к коренному изменению основ социально-политического быта страны»¹⁶. С этими выводами исследователя можно вполне согласиться. Задуманное общество не предполагает открыто выступать в самом ближайшем будущем, не планирует открытого восстания, оно намерено действовать тайно и постепенно готовить переворот, срока для которого «Записка» не назначает. Нельзя, однако, согласиться с мнением Б. П. Козьмина, что переворот якобы отодвигается Огаревым «в неопределенную даль». Огарев еще не может определить срока переворота. Было бы неоправданно требовать от него уже в проекте основания тайной организации определения времени открытого выступления. Огарев еще не имел никакой возможности высказаться о сроке выступления — он лишь приступал к созданию тайной организации.

Заметим вместе с тем, что позиция Огарева этих лет глубоко и принципиально ограничивает его принципы от анархических бакунистских установок. Последние, как известно, состояли в положении, что народ, собственно говоря, «всегда» готов к восстанию — стоит только «кликнуть клич», и восстание вспыхнет. Совершенно иначе подходит к вопросу Огарев: он полагает, что переворот надо длительно готовить и упорно собирать для него силы, усердно работать над просветлением умов, над пониманием реального положения и истинных целей общественного переустройства¹⁷.

Если выделить из данного, исходного для нас, документа — «Записки о тайном обществе» 1857 г. — ядро основных посылок и организационных вопросов, то окажется, что ведущие положения об организации тайного общества остались характерными и для всей последующей деятельности Огарева. Даже в конце деятельности, в статье «Сплотимтесь дружно», опубликованной в 1870 г. в последнем номере «нечаевского» «Колокола», Огарев воспроизводит слово в слово отдельные части текста «Записки о тайном обществе», говорящие об основной цели движения — о достижении «полезного в общественном смысле», об отнесении к этому «полезному» всего, «что

клонится к свободе личности и к ее равному распределению в общественном устройстве», о том, что надо «хотя приблизительно — примирить неслегкаемую независимость лица и его действий с необходимостью рода людского <...> жить стадом», и т. д. Тут же воспроизведен тезис о том, что руководящий центр тайного общества «не имеет нужды во многолюдстве», но что он должен быть сплоченным, представлять собой «как бы одно лицо», «его понимание вещей должно быть энциклопедическое», и т. д.¹⁸

Таким образом, в 1857 г. Огарев и Герцен пришли к решению, что в России создание тайного общества «полезно, возможно и необходимо».

В том же 1857 г. вышел первый номер «Колокола». Имея в виду, что замысел основания тайного общества включал в себя решение создать печатный «центральный орган», который вел бы пропаганду печатным словом (и в первую очередь против крепостного права), нельзя не поставить в связь эти факты. Из этого сопоставления следует вывод, чрезвычайно важный для исследования деятельности Огарева и Герцена: «Колокол», первый номер которого вышел в свет в июле 1857 г., — был осуществлен *вслед* за замыслом основать тайное общество, а не *до* этого замысла. Сам Герцен отмечает в предисловии к сборнику «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне» (см. XVI, 134) и в публикуемом в настоящем томе автобиографическом письме, что «Колокол» стал выходить по инициативе Огарева, и это обстоятельство еще теснее связывает знаменитую революционную газету с одновременным замыслом тайной организации, подробный план которой разработал именно Огарев. Поскольку пропаганда печатным словом и издание «центрального органа», упомянутого в «Записке о тайном обществе», входили в программу его деятельности, мы должны понимать «Колокол» теперь несколько иначе, чем раньше: он — элемент более обширного замысла, его составная часть. В «Колоколе» до реформы 1861 г., разумеется, нет открытого призыва к созданию тайной организации, но самый замысел создания организации предшествует изданию «Колокола», а затем *существует* с ним. «Колокол» входит в него составной частью, в этом нет никаких сомнений. Поэтому и «Колокол» невозможно изучать, не представляя себе соединения его общественной функции с одновременно разработанным планом создания тайной организации. Тайное общество, которое, согласно записке Огарева, «полезно, возможно и необходимо»¹⁹, должно иметь и «центральное издание». «Без сомнения для нас теперь главная задача — общественная реформа — это уничтожение крепостного сословия*. Следственно, центр предлагает задачу и группирует около нее членов общества. Задача уничтожения крепостного сословия ** имеет свои сопряженные задачи, следственно, центр обязан вызывать членов общества на специальную разработку их и дать цельности этого труда место в *центральном издании*...»***, — пишет Огарев в «Записке о тайном обществе». Как тут не вспомнить слов Ленина: «„Колокол“ (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян»?²⁰ «Колокол» был, таким образом, элементом обширного политического замысла, «центральным изданием» задуманного тайного общества. Он «звал живых» на борьбу.

Уже отсюда совершенно ясно, что объявленная в первом же номере «Колокола» его программа не была и не могла быть исчерпывающей программой Герцена и Огарева. Задачи «Колокола» — уничтожение крепостного состояния, уничтожение телесных наказаний и освобождение слова от цензуры — были, конечно, в высокой степени важными и актуальными задачами, однако эти задачи не представляли собой *всей* обдуманной Огаревым и Герценом программы. Не случайно сам Герцен называет лозунг «Колокола» «смирным, скромным, ограниченным» (IX, 300). «Записка о тайном обществе», возникшая одновременно с замыслом «Колокола», развертывала широкую программу деятельности тайной организации, куда политические лозунги «Колокола», заявленные в его первом листе, входили лишь как часть. Правда, реальная

* Слово «общественная» вписано Герценом, последние 4 слова зачеркнуты карандашом.

** Перед «Задача» Герценом вписано «Главная»; последние 3 слова зачеркнуты карандашом.

*** Последние 9 слов зачеркнуты карандашом.

программа «Колокола», восстанавливаемая не из декларации, опубликованной в его первом листе (повторенной неоднократно и впоследствии), а из всей совокупности его статей, разоблачений, предложений и призывов, много шире предложений первого номера. Но сейчас вопрос даже не в этом, а в том, что в начале 1857 г., т. е. того года когда начал выходить «Колокол», Огарев и Герцен разработали обширную программу создания в России тайной организации, имевшей конечной целью общественный переворот. Они хотели глубоко изменить социальный и политический строй России деятельностью общественных сил. В обширную программу работы они ввели и «центральное издание», сосредоточенное на главной задаче всей организации — борьбе за уничтожение крепостных отношений. «Колокол» и должен был явиться этим «центральным изданием». Так уясняются обстоятельства, в которых возник «Колокол». Связь его возникновения с замыслом тайной организации на мой взгляд несомненна.

Другим вопросом, возникающим в связи с изучением «Записки о тайном обществе», является вопрос о ее практическом назначении. Для чего она писалась? Для уяснения себе самому своих мыслей на этот предмет и для сообщения их Герцену было бы достаточно подробного дружеского разговора. Печатать такой документ, разумеется, было невозможно. Следовательно, документ создавался для каких-то конспиративных читателей, для каких-то лиц, привлекаемых в создаваемую организацию? «Записка», очевидно, имела цель практического характера. Может быть, она была составлена для последующего обсуждения в кругу создаваемого центра тайного общества? Был ли этот центр создан в 1857 г. — мы не знаем. Возможно, что дальнейшее изучение прольет свет на этот вопрос.

В этой связи необходимо уяснить себе, что же делалось в это время в России в революционном подполье? Год окончания Крымской войны и следующие за ним годы в этом отношении крайне мало исследованы. Однако все же можно упомянуть об отдельных революционных кружках. Прокламация — пародия на царский манифест о Парижском мире, расклеенная по улицам Харькова в апреле 1856 г., была составлена подпольной студенческой организацией, часть членов которой позже вступила в состав «Земли и Воли» шестидесятых годов²¹. В 1854—1857 гг. работает сложившийся вокруг Добролюбова революционный кружок Главного педагогического института. Позже Добролюбов вовлекает членов этого кружка в новую революционную организацию. Факты существования революционных кружков не исчерпываются этими двумя примерами. Добавим к этому вызревающую в передовых демократических кругах мысль о необходимости действия, собирания сил, борьбы против угнетения. Об этом говорят хотя бы известные строки Некрасова в стихотворении «Поэт и гражданин», относящемся к тому же 1856 г. Стихи Некрасова зовут к действию и резко осуждают уклоняющихся от участия в борьбе, в особенности тех «мудрецов», чье «назначение — разговоры»:

Свою особу ограда,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя.
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»

Подчеркнутые мною слова свидетельствуют, что уже прямо поставлен вопрос о личной гибели человека за дело преобразования родины. Такой вопрос может стать только в процессе осознания необходимости решительной борьбы за дело этого преобразования, борьбы беззаветной, на которую надо идти, решаясь на любые жертвы. Некрасов клеймит трусливые рассуждения либералов как «себялюбивые мечты». Некрасов обращается в том же 1856 г., когда Огарев и Герцен работали над замыслом создания тайного общества, с призывом к подлинной революционной борьбе:

Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,

Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
*Иди в огонь за честь отчизны,
За убеждение, за любовь...*
Иди и гибни безупречно.
*Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь...*

Подчеркнутые мною слова служили и позже не только общим призывом к борьбе, но и призывом ко вступлению в революционную организацию. Именно так их понимала молодежь тех лет. В этом смысле употреблял их и Добролюбов.

Таким образом, в те годы, в обстановке которых возникает в Лондоне огаревская «Записка о тайном обществе», в России налицо революционное брожение и открытые призывы к революционной борьбе. Существование отдельных разрозненных революционных организаций в России этих лет — несомненно. Значит, «Записка о тайном обществе» Огарева не была беспочвенной. Она возникла в атмосфере растущего после Крымской войны революционного брожения. Поэтому вполне можно сказать, что она выросла именно на русской почве, хотя и была написана за границей.

4

Замысел создания тайной организации получает дальнейшее развитие в публикуемой ниже рукописи, условно называемой нами «Идеалы», по заглавию ее первого отдела, относящейся к 1859 г. (написана между маем и июнем 1859 г.)²². К этому же году относится поездка Чернышевского в Лондон. (Чернышевский, как известно, приехал в Лондон 26 июня 1859 г. и выехал обратно в Россию 30 июня того же года.) Весьма правдоподобно предположение, что основные идеи данной рукописи были темой обсуждения между Герценом, Чернышевским и Огаревым.

Отсюда не следует, что решения по этим вопросам у Огарева и Чернышевского были совершенно одинаковы. Чернышевский, который, по глубокому замечанию Ленина, сделал «громадный шаг вперед против Герцена»²³, едва ли мог полностью согласиться с предлагаемым Огаревым планом. Логично предположение, что замыслы Чернышевского были много радикальнее. Некрасовская мысль, что «дело прочно, когда под ним струится кровь», была и мыслью Чернышевского. Еще в юности он ждал крестьянского восстания и хотел участвовать в нем. В 1853 г. он говорил невесте: «У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня»²⁴. Еще тогда он выражал уверенность, что эти события наступят «лет через десять, но я думаю — скорее».

Рукопись «Идеалы» имеет своеобразный философский характер. Она раскрывает цели русской конспиративной организации в понимании Огарева и излагает основные идеи будущей русской конституции. Цель общества — «положить начало социальному миру на основании общинного землевладения. Следственно, главный принцип — самоуправление общины». Этим положением открывается рукопись «Идеалы». Что такое правительство вообще? Правительство, по мнению Огарева (раздел «Настоящее положение»), должно являться прежде всего «регулятором движения общественного богатства». Что такое русское самодержавие по мнению Огарева? Оно «правительство центрально-военно-бюрократическое» (или, как пишет он в начале рукописи, «немзко-бюрократическое»). «Оно — жандарм, а не регулятор движения общественного богатства». При таком порядке вещей самоуправление общинно-волостное невозможно. Какая же форма центральной власти должна заменить царское

правительство? В рукописи «Идеалы» и намек нет на конституционную монархию. Огарев дает здесь предельно краткую и выразительную формулировку: «Форма центральной власти: комитет». Он употребляет далее в тексте термин «президент», и хотя в рукописи не встречается слово «республика», мы, несомненно, имеем право назвать предполагаемую Огаревым форму центральной власти с «комитетом» во главе — республиканской.

Русская республика, согласно «Идеалам», должна представлять собою «конфедерацию». В этой республике «единство» составляют общины. Общины образуют «волость». Все междуволостные раздоры должны разрешаться только «волостным третейским судом», и центральная власть не должна в них вмешиваться. «Волости», на которые делится страна, группируются в особые обширные «союзы»; каждый союз и является отдельным членом будущей российской федеративной республики — отдельной «конфедерацией».

В основу федеративного деления будущей республики Огарев, по собственному признанию, положил два принципа: 1) принцип национальный и 2) «принцип промыслов». Подыскивая русское слово для понятия «национальный», он позже зачеркнул начало слова «национ...» и заменил его словами: «принцип породы», явно разумея под «породой» национальную (по рождению) принадлежность. Таких членов русской федеративной республики, иначе союзов или ее федеративных единиц, у Огарева в рукописи «Идеалы» — девять; вот их перечень:

1. Среднерусский.
2. Прибалтийский.
3. Польско-литовский.
4. Беломорский.
5. Волжский.
6. Украинский ²⁵.
7. Новороссийский или Черноморский.
8. Урало-сибирский и
9. Амурский.

Этот перечень — результат давних раздумий Огарева. Он давно интересовался вопросом районирования России и критически относился к предлагаемым ранее системам. Можно указать на его раннюю (1847) работу «Опыт статистического распределения Российской империи»²⁶. Он продолжил эту работу в «Идеалах». Работал Огарев над той же проблемой и в следующем, 1860 году, в статье «На новый год 1861». Он подробно останавливается в этой статье на рациональном членении будущей федерации: «Соединение в области становится необходимой задачей, без разрешения которой управление, ускользая от выборности и ответственности, всегда будет уродливым...», — пишет Огарев в статье «На новый год 1861». (Статья эта перепечатывалась отдельно и распространялась как прокламация.) В этой статье термин «конфедерация» заменен уже термином «федерация» и развернута агитация за основные положения, намеченные в «Идеалах», но за исключением их конспиративной части, касающейся работы тайного общества. На этом примере отчетливо видно, в какой мере «Колокол» отражал конспиративную работу лондонского центра и что именно оставлял необнародованным, покрытым завесой конспирации. Сомневающимся в том, что «Колокол» обнародовал не всю программу Герцена — Огарева, а исключил из нее конспиративную часть, можно посоветовать последовательно прочесть рукопись «Идеалы» и статью «На новый год 1861». Несмотря на то, что статья как документ более поздний дает ряд вопросов в более зрелой разработке, она, несомненно, сообщает не все, задуманное Огаревым: конспиративная часть остается неопубликованной.

«Устроив областные самоуправления, — пишет Огарев в статье «На новый год 1861», — все увидят необходимость подать друг другу руку на общие интересы и соединиться в федерацию, в общий союз славяно-русских областей, в котором области управлялись бы каждая сама собою на основаниях выборного самоуправления, наделения землею всех и каждого, с своим областным банком, а для общих дел союза каждая область присылала бы своих выборных для соглашений в устройстве путей сообщения, общих расходах и, наконец, для составления общего банка союза» управляемого вы-

борными от всех областных банков». О тайном обществе, разумеется, тут ни слова. Таким образом, сопоставление конспиративного документа с текстом обнародованной в «Колоколе» статьи подтверждает мнение о том, что конспиративная часть оставалась не сообщенной. Все, что писали Герцен и Огарев в «Колоколе», было правдой. Было их глубоким убеждением, но они писали в «Колоколе» не всё. О многом они *молчали*. Герцен верно и точно говорил об этом: «Молчать мы можем, но говорить из других побуждений, чем из страсти истины и победы во имя ее, — мы не можем» (см. в наст. томе приписку Герцена в письме Огарева к Е. В. Саллас, от 24 декабря 1863 г.).

В статье «На новый год 1861» Огаревым предложено, как отмечено выше, более расчлененное и разработанное районирование областей, нежели в «Идеалах». Оно даво уже не в виде простого перечня, а в мотивированном изложении. Приведем полностью этот текст, свидетельствующий об органической связи предложений конца 1860 г. (время, когда писалась статья «На новый год 1861») с перечнем «Идеалов». «Русская империя, естественно, распадается на области, частью по географическим и промышленным условиям, частью по племенам», — пишет Огарев в статье «На новый год 1861». — Географическое положение и промышленный интерес, одинакое земледелие вследствие климатических условий и одинакий быт неволью потянут северное народонаселение образовать Беломорскую область; точно так же естественные условия необходимо образуют Прибалтийскую область (причем, однако, немцы должны будут подчиниться общим требованиям и уступить крестьянам земли за выкуп). Белоруссия, по племенному условию, сплотится в свою область, точно так же как Литва в свою. Средняя или кровная Великороссия, по всем условиям племени и одинаких промышленных, преимущественно фабричных интересов, составляет, естественно, свою область. Уральское народонаселение сосредоточится около Камы и Уральского Заволжья; прикаспийское народонаселение с своим степным хозяйством и своим транзитным положением, между Закаспийской и Закавказской Азией и остальной Россией, соединяется в область одинаковостью интересов. Донское казачество, Малороссия и Новороссия, вместе или раздельно, составляют одну или три черноморские области. Сибирь громоздится в свои области по направлению к Тихому океану». Вопрос о Польше Огарев выделяет особо, оговаривая ее политическую самостоятельность²⁷.

Как уже сказано, центральная власть в «Идеалах» не имеет права вмешиваться в некоторые внутренние дела волостей. Однако есть ряд отраслей управления, которые Огарев выделяет как вопросы «междуволостной связи». Эти вопросы следующие:

«1. Пути сообщения:

а) постройка и содержание железных и других сухопутных дорог, речных и морских судоходств;

б) почты и телеграфы;

в) груз, сплав и движение товаров.

2. Выпуск денег и кредитные учреждения.

3. Междуволостные комиссионерные торговые конторы.

4. Иностраные комиссионерные торговые конторы.

5. Общий бюджет конфедерации и налог».

Центральная власть организуется следующим образом: «Волость выбирает по одному кандидату, которые, собравшись, выбирают между собой министров для каждого вышесказанного вопроса²⁸, а эти министры выбирают из своей среды своего президента. Затем кандидаты разъезжаются и оставляют комитет министров с президентом действовать».

Иначе говоря, Огарев придерживается системы прямых выборов ст волостей. Правительство выбирается на определенный срок и ответственно перед избирателями. «Без сомнения, такое центральное правительство должно быть срочное, во всех действиях гласное и ответственное, так что по истечении срока власти члены правительства за неправильное действие могут быть судимы уголовно, назначенными от волостей присяжными, если хотя одна волость того потребует».

Лишь два вопроса затруднили Огарева — министерство народного образования (или «пропаганды научной») и «вопрос войска против чужеземных врагов, вопрос

грустный, но, может быть, еще необходимый». Огарев недоумевает, куда их отнести — «к центральной власти или к общинно-волостному самоуправлению? Не знаю».

При определении способов деятельности общества Огарев в данном документе ничего не говорит о вооруженном восстании и не занят его подготовкой. Он занят по конспиративной линии лишь вопросами пропаганды и внутренней организации тайного общества. Центр общества должен находиться в России в постоянной связи с главным, т. е. с печатным органом в Лондоне — это было установкой как Огарева, так и Герцена. Создать основную революционную организацию в Лондоне и руководить из-за границы революционным движением они считали, в этот момент, нежелательным и невозможным. Но лондонские деятели должны, по их мнению, находиться в тесной связи с руководящим центром тайного общества внутри России.

Центр должен состоять из совершенно сознательно действующих и распоряжающихся «апостолов». Очевидно, термин «апостолы» выбран как слово, без объяснений, понятное для народа. Следующий пункт указывает, что около «апостолов» группируются «ученики, полупосвященные», и «чем далее от центра к периферии, тем более члены должны переходить в бессознательных агентов, употребляемых для отдельных целей».

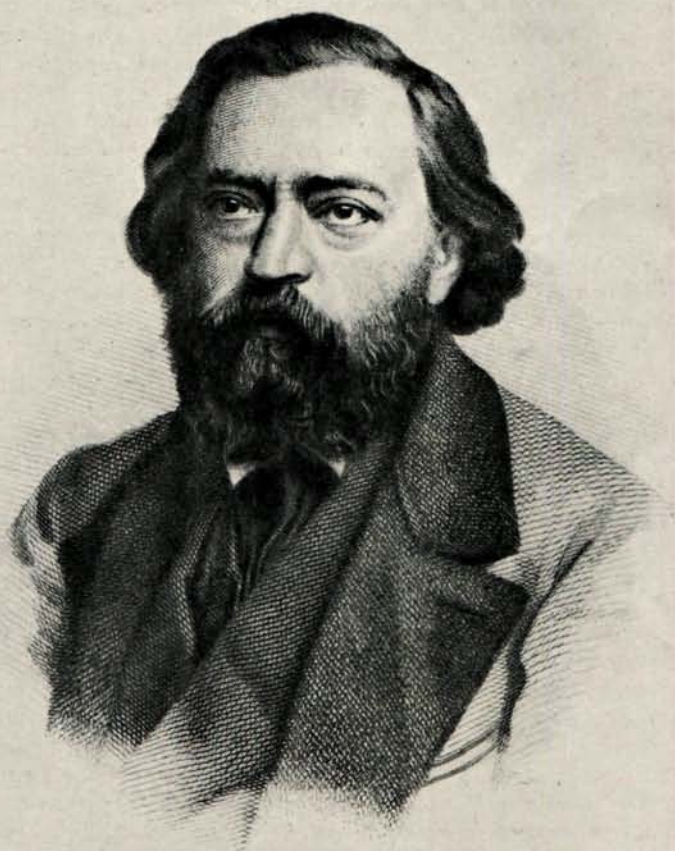
Далее указывается на необходимость создания денежного фонда, наличия корреспондентов и особой почты; «апостолы» могут составлять свой «географический центр», агенты общества должны быть трех родов: «а) служащие, б) пишущие, в) народные». Огарев живо заинтересован связями с крестьянством: «В заключение скажу только, что общество как мыслящий миноритет обязано создать себе живые отношения с немим множеством, т. е. с крестьянами». Тот же термин — «немое множество» — трижды упомянут Огаревым в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861), над которым Огарев работал в 1860 г. Тут мы видим глубокое раскрытие смысла, который вкладывают в этот термин Герцен и Огарев.

«В это время притаения общественного вопроса, немоты высшего сословия, ухода его лучших людей в научные теории и отвлеченные стремления <...> в это время другое немое множество — народ таил общественный вопрос...», — пишет Огарев ²⁹. Говоря о Кольцове, Огарев замечает: «Кольцов совершенно народ <...> Он заявил дремлющую силу немого множества перед образованным меньшинством...» ³⁰.

Осталось ли название «апостолы» просто термином, написанным на бумаге, или действительно нашло себе применение в практике революционного движения? Следственные данные о «Казанском заговоре» 1863 года показывают, что некоторые члены — участники этого заговора — называли себя «апостолами» ³¹. «Казанский заговор» имеет несомненное отношение к «Земле и Воле» 60-х годов, в руководящий орган которой — Совет общества — входил Огарев, — на этом последнем обстоятельстве мы еще остановимся ниже. Можно выдвинуть два предположения: первое — совпадение названия «апостолы» тут и там совершенно случайно; второе — совпадение названия «апостолы» там и тут не может быть случайным, оно говорит о единстве организации и о нитях, идущих от периферийного выступления к руководящему центру. Мы придерживаемся второго предположения.

«Идеалы» предлагают также меры конспирации, обеспечивающие сохранение организации даже в случае ее частичного провала: «Разные апостольские центры должны быть устроены так, что если б один подпал под гонение правительства, это не могло бы вовлечь в опасность другие апостольские центры, ни главный центр».

Вторая публикуемая ниже рукопись Огарева — «Цель русского движения...» — содержит новый элемент, отсутствующий как в «Записке о тайном обществе», так и в «Идеалах», — она уже прямо ставит вопрос об открытом выступлении. Еще в «Записке о тайном обществе» Огарев предвидел момент, когда конспиративно подготовленные действия станут явью ³². В новой рукописи, также относящейся к дореформенному времени, — по всей вероятности к 1860 г., — развит совершенно конкретный план предстоящих действий тайной организации. Хронологически этот новый документ падает на время после свидания с Чернышевским. Не является ли развернутый в ру-

Моей милой Тате

от т. оригинала

ОГАРЕВ

Гравюра конца 1830-х гг. с дарственной надписью Огарева старшей дочери Герцена:
«Моей милой Тате от оригинала»

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Проект требует далее уничтожения сословий, введения равноправия граждан и учреждения вместо казенного чиновничества «бессословно выбранных и перед обществом ответственных людей» как для сельского, городского и уездного управления, так и для суда. Проект вновь выдвигает идею федеративного объединения России, уже ранее раскрытую предшествовавшим документом: области России управляются «своими выбранными областными думами» и соединяются в один общий Союз — федерацию, во главе которой стоит выбранная Земская дума.

Как же достичь нового общественного устройства России, изложенного в проекте? Теперь уже не просто путем собирания сил, просветления мысли, устранения препятствий, мешающих народу понять цели истинного общественного устройства, и т. д. Огарев предлагает в этом проекте весьма детальный план подготовки восстания. Сначала оказывается мощное и всестороннее давление на власть путем подачи адресов царю, но, поскольку царь не откликнется на это, восстание неизбежно. Поэтому проект «всеобщего нового устройства России» и рассматривает конкретные пути восстания. Огарев, а вместе с ним, вероятно, и его друг Герцен мыслят это восстание в своеобразных формах, с несомненными декабристскими реминисценциями и с поправками к декабристскому опыту. Указав на то, что изложенного общественного переустройства «без общего Земского собора учредить и постановить нельзя», Огарев пишет:

«Если (или так как) государь не хочет созвать Земского собора, то неурядица неизбежно доведет до восстания. Так как восстание неизбежно, то надо его устроить и направить в разумном порядке, отнюдь не кровопролитно и не разорительно.

Такое восстание, идущее строем, можно только образовать в войсках».

Однако, как видно из дальнейшего текста, это восстание отнюдь не будет носить характера «военной революции». Во-первых, в войсках всюду образуются тайные офицерские общества «для разъяснения солдатам цели и необходимости восстания». Декабристы, «страшно далекие от народа», не шли на это. Они остановились вплотную у этой границы. Как правило (были исключения), они не сообщали солдатам цели восстания, предполагали объявить им ее лишь после издания Сенатом Манифеста к русскому народу и объявления ликвидации крепостного права. Декабристы рассчитывали прежде всего на общий «дух недовольства» в армии и привязанность солдат к командирам-революционерам. Иное видим мы в предложении публикуемого проекта: речь идет о прямом вовлечении войсковой массы в революционное действие, о полном объяснении солдатам целей переворота. Но этого мало, имеются еще более радикальные предложения. Тайное общество должно непосредственно руководить военными действиями восстания: восставшее войско идет на Москву и Петербург, *«всюду подымая народ на содействие и умножаясь прибылыми охотниками-ратниками»* (курсив мой. — М. Н.). Иначе говоря, проект предполагает, что восставшие войска будут лишь инициаторами революционной борьбы и ведущим, организующим ее элементом, основной же массой будет вооруженный народ, который в военном строю примкнет к восставшим войскам. «Общий Земский собор», который должен быть созван в результате восстания, имеет функцию учредительного собрания и решает вопрос о будущем политическом устройстве России.

Сопоставляя этот проект с предыдущим, приходится, очевидно, признать его более поздним по времени, нежели «Идеалы», но вместе с тем все же, несомненно, относящимся ко времени до 19 февраля 1861 г.

Если предшествующий проект, совпадая или почти совпадая с приездом Чернышевского в Лондон, был сообщен ему, то в таком случае проект «всеобщего нового устройства России» надо признать написанным позже переговоров с Чернышевским, надо считать его каким-то результатом этих переговоров. Огарев в этом проекте, несомненно, шагнул вперед к Чернышевскому, хотя и не достиг его идейного уровня.

Сопоставление дальнейшего развития русского революционного движения с проектом «всеобщего нового устройства России» не может не привести к несомненным выводам, что ряд существенных элементов его не остался только замыслом, а был реализован. Проект предполагает обращение к правительству различных сословий и сословных групп общества; отсюда — обращение революционеров к этим сословиям и группам. Такой план предполагает систему прокламаций, адресованных к разным

слоям общества. Именно этот план и был поставлен на очередь революционной конспирацией в течение 1860—1862 гг. Открыла эту серию прокламация Чернышевского «Барским крестьянам». Герцен и Огарев — несомненные участники этой серии.

Огареву принадлежит последовательный ряд прокламаций, обращенных к разным слоям населения: «Что нужно народу?» (июль 1861 г.), «Что надо делать войску?» (ноябрь 1861 г.), «Ход судеб» (февраль 1862 г.). К этому можно добавить обращение к студентам «Университеты закрывают!» (январь 1862 г.) и более ранний разоблачительный текст «Что нужно помещикам?» (декабрь 1861 г.), а также проект адреса царю от государственных крестьян³⁷.

В пользу того, что в России прокламации вышли из одного центра, можно привести ряд доводов. Прокламация «К народу», т. е. прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», была написана Чернышевским и переписана для набора в тайной типографии Михайловым. Обо всем этом знает Шелгунов, пишущий одновременно прокламацию «К солдатам». «В ту же зиму, т. е. в 1861 году, я написал прокламацию „К солдатам“, а Чернышевский прокламацию „К народу“ и вручил их для печатания Костомарову», — пишет Шелгунов³⁸. Тогда же Михайлов и Шелгунов пишут прокламацию «К молодому поколению», которую Михайлов на допросе, спасая друга, всецело приписывает своему авторству. Печатают эту прокламацию в Лондоне у Герцена. Шелгунов свидетельствует: «В ту же зиму я написал прокламацию. „К молодому поколению“, но мы решили печатать ее в Лондоне в „русской печатне“»³⁹. Таким образом, мы получаем список лиц, взаимная осведомленность которых о написании прокламаций несомненна: Чернышевский, Михайлов, Шелгунов, Герцен; имеются все основания добавить сюда имена Добролюбова и Огарева: Добролюбов, очевидно, знал то, что знал Чернышевский, а Огарев был осведомлен о действиях Герцена и о распоряжениях по «русской печатне». Добавим к этому, что лондонская прокламация Огарева «Что нужно народу?» хранилась в Петербурге на квартире Чернышевского и оттуда распространялась; активное участие в распространении принимала жена Чернышевского — Ольга Сократовна, как это было установлено полицейской слежкой. Если добавить сюда общеизвестные доводы в пользу причастности Чернышевского к созданию «Великорусса» и вспомнить роль Владимира Обручева в распространении последнего, — общая картина дополнительно уясняется. Наличие центра подкрепляется даже совпадающими словами в названии прокламаций: Чернышевский называет свою прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», а Шелгунов свою (вторую) прокламацию — «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», — довольно трудно в данных условиях предположить «случайное» совпадение.

Наличие революционного центра, руководящего изданием указанных прокламаций, было строго законспирировано. Конспиративность вопроса ясно видна из сопоставлений первоначального наброска воспоминаний Шелгунова, начатого еще в ссылке, в семидесятые годы, с последующей редакцией его записок «Из прошлого и настоящего», опубликованных в «Русской мысли» (1885—1886) в тяжелое время реакции. Первый набросок воспоминаний, хотя и сжат внутренней цензурой самого автора, но все же более свободен и откровенен, чем последующий вариант. Вторая же редакция снимает многие конспиративные темы первой, выбрасывает их вовсе или заменяет противоположными утверждениями. Текст первоначальной, более откровенной редакции воспоминаний Шелгунова был впервые опубликован лишь при советской власти в 1918 г. в «Голосе минувшего». Текст второго, более стесненного цензурой варианта появился, как видим, еще в царское время, при Александре III. Выше мы пользовались, разумеется, цитатами первой, более откровенной редакции. Шелгунов пишет в первом варианте: «...прокламации, точно по уговору, явились все в одно время. Все они принадлежали очень небольшому кружку людей, действовавших отдельно в глубокой тайне»⁴⁰.

Во втором варианте это место читается так: «У прокламаций не было ни общего центра, ни общего руководства, это были скорее партизанские действия неизвестных отдельных кружков, не имевших никакой связи». Вопросу, как видим, дана во второй редакции существенно иная трактовка⁴¹.

Кампания за подачу адресов царю с целью разочаровать в паризме активные общественные слои, лозунг созыва учредительного собрания — Земского собора — легли в основу тактики «Великорусса». Документ Огарева «Цель русского движения» во многом перекликается с «Великоруссом»: Огарев требует созыва Земского собора с функциями учредительного собрания, он требует освобождения крестьян без выкупа, требует передачи им хотя бы той земли, которой они пользовались при крепостном праве (у Огарева: «как есть межа»; у «Великорусса»: «по крайней мере все те земли и угодья, которыми пользовались они при крепостном праве»). Причастность Чернышевского к деятельности «Великорусса», как указывалось, представляется нам чрезвычайно вероятной⁴². Прокламационная литература шестидесятых годов исходит, таким образом, в основном от объединенной, сплотившейся, несмотря на отдельные разногласия, руководящей группы революционеров, предварительно договорившихся между собою. Это обстоятельство дает основание предполагать, что в проект Огарева о «всеобщем новом устройстве России» вошли какие-то элементы в результате сговора с Чернышевским. Революционные силы стремились к объединению.

В работе «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации» я упоминала о важном — совершенно явном и прямом — свидетельстве о существовании тайной организации в России накануне отмены крепостного права. Это свидетельство содержится в прокламации «Барским крестьянам». Прокламация призывает крестьян готовиться к вооруженному восстанию, запастись оружием, учиться «в военном деле порядок держать», ни в коем случае не выступать разрозненно, отдельными деревнями: «Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить». Восставать необходимо по единому сигналу: «и сигнал этот даст революционный центр, — он пришлет «назначение»: «А когда промеж вами единомышленники будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора, дескать, всем дружно начинать. Мы уж увидим когда пора будет, и объявление сделаем». Эти слова — несомненное свидетельство существования революционного центра. Обращение к народу с призывом восставать по сигналу революционного центра, исходящее от Чернышевского, есть бесспорное доказательство существования центра. Утверждение обратного было бы обвинением Чернышевского в авантюризме и сознательном обмане народа. Но прокламация «Барским крестьянам» говорит не только о существовании революционного центра, но и о наличии у него представителей на местах, о связи его с местами: «Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ, да что народ. Вот мы и знаем, что покудова еще нет готовности. А когда готовленность будет, нам тоже видно будет». Революционная организация в этой прокламации считала нужным сказать и о своем национальном характере: «А мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем...». Ни в одной прокламации шестидесятых годов не сказано так много о революционной организации, как в прокламации «Барским крестьянам».

Мы уже упоминали о том, что в документе Огарева «Цель русского движения» восставшему войску отдается инициатива восстания, а восставшее крестьянство («прибылые охотники-ратники»), вооружившись, должно присоединиться к войску и идти за ним в военном строю. Таким образом, вносится существенная «поправка» к декабристским планам — «поправка» решающего значения: народ делается активным участником восстания. Общеизвестные слова Герцена о том, что декабристам на Сенатской площади и в центре второй армии «нехватало народа», оказывается, были не только выводом историка, размышляющего над причиной неудачи декабристов, но и практическим предложением дворянского революционера двигавшегося далее и завоевывавшего позиции революционного демократизма. В другом документе, разбираемом ниже, Огарев назовет это восстание «военно-крестьянским» и «повсюдным». Идея о сознательной организации восстания (восстание надо «устроить») — одна из великих идей русского революционного движения — она выражена в данном документе с большой яркостью и в своеобразной форме: Огарев мечтает о «восстании, идущем строем».

Нельзя не заметить, что тезис о «военно-крестьянском» «повсюдном» вооруженном восстании некоторым образом перекликается с более радикальной по установкам

прокламацией Чернышевского «Барским крестьянам», также датируемой временем до крестьянской реформы⁴³. Во-первых, прокламация Чернышевского выражает отчетливое намерение опереться на революционное офицерство: «А еще вот кому от нас поклонитесь: офицерам добрым, потому что есть и такие офицеры, и не мало таких офицеров<...>таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть». Во-вторых, — и это особенно важно, — прокламация Чернышевского дает крестьянам прямой совет обучаться военному строю, слушаться команды, — это умение понадобится им в момент восстания. Чернышевский пишет: «А еще вот о чем, братцы, солдат просите, чтобы они вас учили, как в военном деле порядок держать. Муштровки большой вам не надо, чтобы там в ногу идти по-солдатски да носок вытягивать — без этого обойтись можно, а тому надо учиться вам, чтобы плечом к плечу плотнее держаться, да команды слушаться, да пустого страха не бояться... А кроме того, ружьями запасайтесь, кто может, да всяким оружием»⁴⁴.

Все изложенные выше соображения еще раз заставляют вернуться к поездке Чернышевского в Лондон.

Нередко полагают, что единственной причиной поездки была необходимость объясниться с Герценом по поводу его статьи «Very dangerous!!!», где Герцен нападал на анонимную статью «Свистка», принадлежавшую Добролюбову. Нужно-де было заставить Герцена извиниться перед Добролюбовым — и только. И раньше этот повод казался некоторым исследователям сомнительным⁴⁵.

Герцен в «Былом и думах» покрывает завесой конспирации приезд к нему Чернышевского и не говорит о нем там ни *единого слова*. Поскольку разбираемый документ Огарева свидетельствует о том, что перед реформой сам Огарев и, вероятно, его друг Герцен были заняты вопросом о вооруженном военно-народном «повсюдном восстании», трудно поверить, что во время лондонского свидания с Чернышевским шла речь только об обиде, нанесенной Добролюбову. Вероятно, говорилось и о другом; вероятно, вырабатывались какие-то общие планы действия в предстоящих революционных событиях, в неизбежности которых были убеждены все трое. Совпадающие стороны прокламации Чернышевского и проекта Огарева — не говорят ли в пользу того же?

Коснемся теперь программных моментов проекта Огарева. Характернейший текст: «Если (или так как) государь не хочет созвать Земского собора» — с ясностью говорит о либеральных колебаниях Огарева, однако демократ явно берет верх, ибо «так как» много радикальнее, чем «если» (заметим, что именно такого же характера общая установка «Великорусса»). Из этого же документа ясно, что Земскому собору присвоена функция учредительного собрания и что последнее может пойти двумя путями: или превратить Россию в конституционную монархию при «Земской думе», которая «заведует» «ото всех областей» всей революционной федерацией, или обойтись без монарха. Второй, мыслимый Огаревым путь, — создание исполнительной власти уже не в лице монарха, а в лице «правительственного совета из людей, перед Земским собором ответственных». Напомним, что сходные черты решения имели в то время и документы более радикальных групп. Та же прокламация Чернышевского «Барским крестьянам» предлагала два исхода: или конституционную монархию или республику. Прокламация Чернышевского рекомендовала республику как форму предпочтительную, но не снимала в силу этого конституционной монархии как возможного решения. В прокламации «Барским крестьянам» Чернышевского говорится: «А французы и англичане царей у себя пока держут. И надобно так сказать: когда народный староста не по наследству бывает, а на срок выбирается и царем не зовется, просто зовется народным старостою, а по-ихнему, по-иностранному, президентом, тогда народу лучше бывает жить, народ богаче бывает. А то и при царе тоже можно хорошо жить, как англичане и французы живут, только значит с тем, чтобы царь во всем народу послушание оказывал и без народа ничего сделать не смел...»⁴⁶.

Конец проекта Огарева посвящен организационным вопросам будущего революционного движения. Огарев пишет:

«Чтобы, пока идет образование восстания войск, офицерские общества разных местностей могли иметь между собою узел, сношения и заявлять свое дело гласно печатным словом, — надо каждому из них войти в постоянные сношения с нами, людьми,

поставленными в Лондоне вне преследований казенной полиции. Для успеха образования восстания нужно во всех войсковых центрах учредить денежные сборы из посильных приношений каждого на общее дело, поручая кассы избранным офицерам».

На этом рукопись обрывается. Эти строки говорят о замысле централизовать революционное движение, придать ему более отчетливые организационные формы. Документ имеет практический характер.

6

Но не противоречит ли факту существования тайной организации в России накануне отмены крепостного права общеизвестная запись из дневника Добролюбова 1859 года, написанная сейчас же после того, как он узнал от Некрасова о появлении статьи Герцена в «Колоколе» — «Very dangerous!!!»? В виду важности вопроса, приведем эту запись полностью. Вот она:

5 июня <1859 г.>

Сегодня в три часа утра Н<екрасов>, воротясь из клуба, сообщил мне, что И<скандер> в «Кол<околе>» напечатал статью против «Сов<ременни>ка» за то, что в нем предается поруганию священное имя гласности. В статье есть будто бы намек на то, что «Совр<еменник>» подкуплен триумvirным бюро. Если это правда, то Герцен человек вовсе не серьезный; так легкомысленно судить о людях в печати — ужасно дико. Но чем более думаю я об этом известию, тем более убеждаюсь, что Н<екрасов>у только так показалось и что в сущности намека этого нет.

Нужно поскорее достать «К<олокол>» и прочесть статью, а затем решиться, что делать. Во всяком случае, надо писать к Г<ерцену> письмо с объяснением дела. Меня сегодня целый день преследовала мысль об этом, и мне всё было как-то неловко: как будто у меня в кармане нашлись чужие деньги, бог знает как туда попавшие... Однако хороши наши передовые люди! Успели уж пришить в себе чутье, которым прежде чуяли призыв к революции, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся. Теперь уж у них на уме мирный прогресс при инициативе сверху, под покровом законности! Я лично не очень убит неблагоприятием Г<ерцена>, с которым могу померяться, если на то пойдет, но Н<екрасов> обеспокоен, говоря, что это обстоятельство свяжет нам руки, так как значение Г<ерцена> для лучшей части нашего общества очень сильно. В особенности намек на бюро оскорбляет его, т<ак> ч<то> он чуть не решается уехать в Лондон для объяснений, говоря, что этакое дело может кончиться и дуэлью. Ничего этого я не понимаю и не одобряю, но необходимость объяснения сам чувствую и для этого готов был бы сам ехать. Действительно, если намек есть, то необходимо, чтобы Г<ерцен> печатно же от него отказался и взял назад свои слова. Но мне все кажется, что вся эта история — чистейший вздор; какое-нибудь недоразумение.

Сказал сегодня И<вану> М<аксими>чу <Сорокину> об этой истории; смеется и отзывается неуважительно о всем «К<олоколе>», попрекая им Г<ерце>на. Уверяет, что молодые люди понимают тенденции «С<овременни>ка» и им сочувствуют. Я сам так же думаю, да только много ли проку-то от этого?

От С. Н. Ф<едорова> получил письмо с водянистыми выражениями сочувствий да от Борд<югова> довольно горячее письмо, вот и всё пока. А здесь настоящее сочувствие только и нашел я в Ч<ернышевском>, О<бручеве> да С<орокине>?. Есть, правда, еще Н<овицкий>?, Ст<аневич>?, Д<обровольский>?, — да кто их знает, что они за люди. Во всяком случае, мало нас: если и семеро, то составляет одну миллионную часть русского народонаселения. Но я убежден, что нас скоро прибудет...»⁴⁷.

Предположим, что эта запись полностью соответствует действительности. Что из этого следует? Прежде всего, она со всей очевидностью доказывает существование не только замысла организации, но и начала его реализации. Читатель может констатировать *начальный* момент ее создания. Она еще крайне малочисленна. Не все ее члены равноценны: одни вызывают полное доверие, другие — нет: «кто их знает, что они за люди», — очевидно, неясно, останутся ли верными «живому делу» революции, или заменят его «словопренем», или изменят ему?⁴⁸ Однако запись опти-

мистична: нас еще мало, но «нас скоро прибудет». Дано даже численное соотношение наличия революционного круга ко *всему* населению страны, — этим самым засвидетельствован, кстати сказать, замысел многочисленной организации, отражающей интересы народа: если бы речь шла о маленьком конспиративном кружке, нечего было бы сопоставлять его численность с численностью всего народа.

Сопоставление этой дневниковой записи с более ранними по времени письмами Добролюбова к своим друзьям Бордюгову и Шемановскому не оставляет никаких сомнений, что под словом «сочувствие» в записи дневника разумеется вовсе не сочувствие Добролюбову по поводу «Very dangerous!!!», а совсем другое. Речь явно идет о приглашении Добролюбовым своих друзей к участию в тайной организации. В мае 1859 г., до разбираемой дневниковой записи, Добролюбов пишет Бордюгову: «Пойдем же дружно и смело: ты можешь меня *поддерживать* и *удерживать*, напоминая мне о моих планах и стремлениях. А, в свою очередь, и я могу быть тебе полезным... Попробуй же, Ваня, сознательно окунуться в тот кипящий водоворот, который мы называем жизнью мысли и убеждений, сочувствием к общественным интересам, и т. д. Можно бы назвать и короче, но ты и без того понимаешь, о чем я говорю». Не на это ли письмо ответил Бордюгов, причем его ответ удовлетворил Добролюбова (в дневнике: «от Борд<югова> довольно горячее письмо, вот и все пока»). В письме к Шемановскому (в тот же день, что и Бордюгову) Добролюбов пишет: «Поверь, что в жизни есть еще интересы, которые могут и должны зажечь все наше существо и своим огнем осветить и согреть наше темное и холодное житьишко... До сих пор нет для развитого и честного человека благодарной деятельности на Руси; вот отчего и вянем и киснем и пропадаем все мы. Но мы должны *создать* эту деятельность; к созданию ее должны быть направлены все силы, сколько их ни есть в натуре нашей. И я твердо верю, что будь сотня таких людей *хоть* как мы с тобой и с Ваней <Бордюговым>, да решишь эти люди и согласись между собой окончательно, — деятельность эта создается, несмотря на все подлости обскурантов... Мы еще чисты, свежи и молоды, сил в нас много; впереди еще две трети жизни... Мы можем овладеть настоящим и удержать за собою будущее. Нечего унывать и спать»⁴⁹.

В другом письме к Шемановскому (от августа того же 1859 г.)⁵⁰ Добролюбов зовет его к революционной деятельности и замечает: «...мы умрем, но и умрем все-таки не даром». Далее он цитирует из стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин» (1856) строки: «Не может сын глядеть спокойно на горе матери родной», обрывая цитату формулой «и т. д.». Но адресат, конечно, знал и последующие строки, уже цитированные нами выше («Иди в огонь за честь отчизны...»).

Опираясь на приведенные только что материалы (письма к Бордюгову и Шемановскому, стихи Некрасова), В. С. Кружков в своей монографии «Мировоззрение Н. А. Добролюбова» пришел к убедительному и правильному выводу: «В этих письмах Добролюбова не только чувствуется явное его стремление перейти от литературной деятельности к непосредственному активному участию в практической общественной жизни страны, но есть и некоторые намеки на попытки создания, видимо, какой-то конспиративной революционной организации»⁵¹.

Сопоставляя этот материал с дневниковой записью, мы ясно понимаем, что надо разуместь под словом «сочувствие», употребленным в дневнике. Это просто конспиративная запись согласия на участие в тайной организации.

Таким образом, данная запись в дневнике Добролюбова — не только не является аргументом *против* предположения о наличии замысла организации и о ее возникновении, то есть о существовании тайной организации, а самым прямым образом свидетельствует именно об обратном. Она констатирует лишь начальный, зародышевый этап организации, малочисленность ее наметившегося состава и его неравноценность по отношению к грядущим революционным действиям. Из довода «против» эта запись оказывается несомненным доводом не только за существование замысла создать организацию, но и за самый факт начала ее возникновения.

Однако, внимательно разбирая содержание записи в дневнике Добролюбова, историк должен насторожиться. В ней наличествуют некоторые особенности, которые заставляют поставить вопрос: можно ли разбираемую запись в дневнике Добролюбова

толковать так просто и прямолинейно, как это обычно делается? Не является ли этот документ более сложным, чем это может показаться в первый момент? Этот вывод напрашивается в силу следующих соображений.

В записи дневника имеется несколько неясных мест и даже противоречий. Во-первых, обратим внимание на следующую особенность дневниковой записи: в перечне лиц, приведенном у Добролюбова, явно отсутствуют люди, хорошо ему известные и, несомненно, участвовавшие в конспиративной работе именно того времени. Это фамилии, которые он никак не мог бы обойти или положительным упоминанием, или хотя бы аргументированным отводом. Не говоря уже о самом Некрасове, с которого начинается текст записи, в перечне отсутствует, например, Михайлов, переписавший своей рукой прокламацию «Барским крестьянам», т. е. бесспорно бывший в курсе ее содержания, а стало быть, и конспиративных революционных замыслов. Где Серно-Соловьевичи? Где Шелгунов? Их также нет. Если «С» расшифровывается как И. М. Сорокин, только что перед этим сочувственно упомянутый, то где же С. И. Сераковский? Если «С» — это Сераковский, то где И. М. Сорокин, только что самым высоким образом оцененный в данной же записи? Если «О» есть, вероятнее всего, Николай Обручев, то где Владимир Обручев, распространитель «Великорусса», так и не выдавший ни одного имени на следствии? Но и это не всё. Добролюбов кончает фразу словами: «Во всяком случае, мало нас: если и семеро, то составляет одну миллионную часть русского народонаселения». Непонятные слова! Добролюбов отлично знал, сколько в России населения. Еще в «Думе при гробе Оленина» он писал о Николае I:

Но шесть десятков миллионов
Он держит в узах, как рабов,
Не слыша их тяжелых стонов,
Не ослабляя их оков⁵².

Следовательно, «одна миллионная часть русского народонаселения» равнялась для Добролюбова какому-то количеству, близкому к 60, а не к 7 человекам.

Есть еще одна непонятная особенность. Добролюбов пишет: «нас... семеро», между тем подсчет перечисленных им же самим фамилий дает иное количество. Добролюбов перечислил (даю принятую расшифровку): 1) Ф(едорова), 2) Борд(югова), 3) Ч(ернышевского), 4) О(бручева), 5) С(орокича), 6) Н(овицкого), 7) Ст(аневича), 8) Д(обровольского), — добавим 9) самого Добролюбова — ведь считает же он себя в этом числе, применяя выражение «мало нас». Выходит, таким образом, не семь, а девять человек. Едва ли Добролюбов допустил случайную небрежность при подсчете столь дорогих для него единомышленников. Мне представляется более правдоподобным, что он допустил нарочитое противоречие, на предположительных причинах которых надо остановиться.

Зададим вопрос: в силу каких причин Чернышевский — выдержанный и опытный конспиратор — сохранил именно этот листок, вырванный из добролюбовского дневника, уничтожив другую часть текста? Ведь по прямому смыслу записи она — крайне опасный разоблачающий документ: в ней прямо упоминается о революции («...призыв к революции...»), в ней через весьма прозрачное сокращение дана фамилия самого Чернышевского как участника слагающейся конспиративной организации, в ней через первые буквы дан перечень других фамилий. Чернышевский, уничтожив часть дневника Добролюбова и, несомненно, ожидая собственного ареста, имел полную возможность уничтожить и этот как будто опасный для обыска листок. Почему же он не сделал этого? Очевидно, потому, что этот документ был для чего-то нужен Чернышевскому именно в случае ареста. Листок этот и хранится в следственном деле самого Чернышевского. Листок попал в руки следствия несомненно потому, что Чернышевский не воспрепятствовал этому. Сделав целью своей жизни служение революции, Чернышевский еще в 1853 г. ежеминутно ждал жандармов, «как благочестивый схимник ждет трубы страшного суда», — он пишет об этом в своем зашифрованном дневнике, передавая известный разговор с невестой (1853). Там же он утверждает, что у него «ничего не найдут» при обыске, и у нас нет оснований сомневаться в том, что

Чернышевский самым основательным образом «подготовился» к обыску, слухи о котором, как об этом свидетельствует и его следственное дело, дошли до него заблаговременно. Он, очевидно, совершенно сознательно сохранил сильнейший документ разногласий с заграничным центром — письмо Огарева к Н. Обручеву от 15 августа 1861 г., фигурирующее в деле. Документ был подготовлен к обыску — названия фамилий и мест были тщательно выскоблены, и на следствии Чернышевский смело утверждал, что именно в таком виде он получил письмо по почте. На этот документ Чернышевский по собственной инициативе, не дожидаясь вопроса следствия, ссылается в тюремном письме к Александру II, как на полное доказательство своей невиновности в сношениях с «лондонскими пропагандистами», с которыми он будто бы глубоко расходился и которые-де хотели даже «побить» его⁵³. Иначе говоря, Чернышевский видел в этом документе опору для самозащиты в случае ареста и допросов. Не имела ли той же функции и страничка из Добролюбовского дневника? Сохраненная страница также свидетельствовала перед парем о разногласиях между «Современником» и «лондонскими пропагандистами», — она сообщала первое впечатление от «Very dangerous!!!». Отсутствие инициалов имен виднейших участников революционного движения в дневниковой записи Добролюбова уводило бы внимание следствия к гаданию о никому неизвестных лицах второстепенного порядка, а путаница в их подсчете дополнительно сбивала бы следствие и обеспечивала бы выгодную позицию Чернышевскому для любых толкований записи. Заметим, кстати, что самая буква «Ч», расшифровываемая всеми как Ч<ернышевский>, дает возможность прочесть ее и как латинскую букву «Z», — в этом виде ее и воспроизвел Н. А. Алексеев в саратовском издании «Процесс Н. Г. Чернышевского», сопроводив, впрочем, текст обычным комментарием, что понимать эту букву следует как начальную букву фамилии Чернышевского⁵⁴.

Страничка дневника Добролюбова была действительно забрана при обыске и фигурирует в следственном материале. Следствие фактически оставило ее без внимания, что относится к числу тех же его своеобразий, как пропуск вопроса о поездке Чернышевского в Лондон в 1859 г. (о котором следствие знало хотя бы из имевшейся в его распоряжении «Записки из частных сведений»).

Все приведенные выше соображения заставляют нас очень осторожно относиться к страничке дневника Добролюбова, взятой у Чернышевского при обыске. Очевидно, записанные в ней данные имеют конспиративное значение. Поэтому лучше воздержаться от прямолинейного утверждения, что существовавшая в 1859 г. в России организация насчитывала семь человек. Страничка из дневника Добролюбова, как нам представляется, не позволяет сделать такого вывода.

Прокламация Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» свидетельствует о предполагавшемся открытым выступлении. Агитация за него, как известно из содержания прокламации, связана была с объявлением царской воли. Составлена прокламация была накануне реформы — еще до опубликования «Положений» 19 февраля⁵⁵. То вооруженное восстание, готовиться к которому призывает прокламация, должно было произойти как одновременное и повсеместное восстание — «повсюдное» восстание, если применить термин Огарева. По смыслу воззвания Чернышевского восстание это должно было быть организованным, единовременным взрывом народного гнева в ответ на реформу 19 февраля 1861 г. Такого взрыва, как известно, не произошло, и замысел революционеров не получил воплощения, не был реализован. Надежды на всенародное выступление в ответ на объявление царской «воли» народу — рухнули. Крестьянское движение, кульминационным моментом которого были восстания в Бездне и Кандеевке, — сломилось, разрознилось, не слилось в единый натиск могущественной силы. Недаром Некрасов привез из поездки в деревню сведения, что в ближайшее время «ничего не будет». Однако надежды на последующий, более мощный подъем казались вполне реальными (возникал, как известно, расчет на 1863 год). Но именно во время новой подготовки и ожидания последующего подъема массового движения на революционный лагерь сыплются самые тяжелые удары — смерть и аресты вырывают из движения самых выдающихся деятелей. Всего на протяжении полутора лет — период с начала 1861 по лето 1862 г. — умер Н. А. Добролюбов, умер

Тарас Шевченко. В сентябре 1861 г. арестовали Михайлова, в октябре того же года — Владимира Обручева, в июле 1862 г. — в один и тот же день — Чернышевского и Н. Серно-Соловьевича, в сентябре 1862 г. — Н. Шелгунова, отправившегося в Сибирь для устройства побега Михайлова. Список этот еще можно удлинить, но и перечисленных имен достаточно для того, чтобы представить себе, какой огромный урон потерпело революционное движение.

Революционная ситуация 1859—1861 гг. кончилась, не перейдя в революцию. Все приходилось начинать сначала. Движение переходило в существенно новый — *второй* — этап. На переломе к нему и находится третий из публикуемых нами документов.

7

Этот документ особенно обширен и представляет исключительный интерес. Он превосходит по объему все прочие документы и подробно останавливается на чрезвычайно важных вопросах работы революционной организации. Документ этот, как мы показываем ниже, возник между мартом и каким-то осенним месяцем 1862 г. Позже или раньше ареста Чернышевского, происшедшего, как известно, 7 июля 1862 г.? Вернее предположить, что позже. У Огарева есть ощущение какого-то перелома в ходе событий. Ранее, на первом этапе, он отстаивал идею единого централизованного общества, теперь он приходит к выводу, что такое общество невозможно. Третий документ отражает новый этап, в который вступило русское революционное движение в изучаемое время.

Тематика разбираемого документа чрезвычайно богата. В основном он анализирует вопросы организации русского революционного движения, подготовки всеобщего выступления с адресами царю о созыве Земского собора и останавливается на последующем вооруженном восстании, если царь откажет народу.

Учитывая всю совокупность возникающих задач, Огарев рассматривает особенности движения на всей территории России, выделяя три формы движения: 1) чисто народное, 2) военное и 3) движение образованного меньшинства. В свете этих трех критериев вся Россия, так сказать, *районируется*: выделяются те районы, где совпадают все три формы движения, далее идут районы, где наличествуют лишь какие-либо *две* из названных форм, и, наконец, районы, где имеется только *одно* движение — народное. Дается краткая характеристика отдельных городов с точки зрения их значения для революционного движения (охарактеризованы Петербург, Москва, Казань, Харьков, Одесса, Киев, Дерпт). На основе только что рассмотренной общей картины ведется подсчет сил русского революционного движения, в частности — военных сил будущего переворота. Существенно изменен принцип по сравнению с первым периодом до 1861 года: тогда революционная организация мыслилась как строго централизованная и, так сказать, насаждавшая сверху революционные ячейки. Но выступление, предполагавшееся в момент объявления реформы 1861 года, не состоялось. Народ не двинулся общей лавиной на революционную борьбу за землю и волю. Теперь — после неудачи первого плана 1861 года — Огарев приходит к другому выводу: «Единое централизованное общество невозможно; возможно только общество федеративное. Это доказывается фактом: в разных местностях образовались кружки; это совершенно противоположно карбонаризму, который рос из центра и от этого составлял единое, централизованное общество». Огарев осведомлен о подготовке польского восстания, но полон сомнений в успешности его исхода: «Я не думаю, чтоб полякам можно было говорить о плане. Я мало верю в варшавское восстание, тем меньше, что вмешательство Мерославского везде было порукою за неуспех». Чувствуется резкое разочарование Огарева в кружках «образованного меньшинства», чего не чувствовалось на первом этапе борьбы (1859—1861). Чего стоит, например, такая фраза Огарева: «Всмотревшись в Россию, можно *предположить*, где какие (т. е. фразные, а не народные) кружки, вероятно, образовались...». До какого раздражения надо было дойти, чтобы придумать определение кружков «образованного меньшинства» как кружков «фразных»! Язык трезвого скептицизма, язык *практика* революционного движения чувствуется и тогда, когда Огарев анализирует положение в Петербурге

и в Москве: «Наверно в Петербурге есть не один кружок, а несколько, и состав их офицеро-студентский, военно-литературный». Сближений с народом, за исключением «офицеров с солдатами», «мало, и они очень мнимы, потому что у литературных людей есть свои коньки: поговорили с извозчиком — значит есть сближение с народом; между тем как его, в сущности, нет, потому что нет резких общих обеим сторонам *местных* интересов землевладения и общественного устройства». Это место Герцен отметил крестиком. Москва как один из центров движения оценена, в общем, положительно, однако в ней основной, «землевладельческий»⁵⁶ интерес поглощен «интересами большого города и не стоит на первом плане». В Москве преобладает кабинетная жизнь, «создаются теории или фантазируются движения, нейдущие дальше из-за стен студии». Высоко оценена Казань: «Чрезвычайно важный пункт, где университет резко противополوжен дворянству». Отрицательно оценен Дерпт. Далее следует общий подсчет военных сил в стране с выделением *тех военных сил*, на которые может опереться движение. Военные силы перечисляются по рубрикам: 1) гвардия и гренадеры, 2) армия, 3) внутренняя стража; общая численность войска — 590 тыс. чел., а в военное время — до 1 180 000 чел. Отдельно исчислен Генеральный штаб и Военная академия — 460 офицеров. Чрезвычайно важен сопровождающий перечисление текст: 1, 2, 3 и 5-й корпуса окружены фигурной скобкой и отмечены как «лучшие корпуса по настроению», а 4 и 6-й как «худшие по настроению». Иначе говоря, Огарев, несомненно, располагал какой-то идущей из России более или менее подробной информацией о настроении войск.

Информацию подобного характера Огарев и Герцен, очевидно, получали и раньше. Ее наличие можно усмотреть в статье «На новый год 1861», которая писалась в конце 1860 г.: «Говорят, что 4-му и еще какому-то корпусу был дан приказ идти к австрийской границе и ждать дальнейшего распоряжения о переходе через границу. Генералы рапортовали, что в случае помощи Австрии они не надеются ни на дух солдат, ни на дух офицеров и подадут в отставку. Не знаем, правда ли это, но то, что об этом говорят — уже имеет огромное значение. Стало, часть офицеров и солдат внутренне не хотели помогать Австрии душить славян и венгров; иначе этот слух не распространился бы»⁵⁷. Следовательно, Огарев и Герцен получали информацию о положении в армии уже в 1860 г.

В этой же статье «На новый год 1861» Огарев говорит об «образованных офицерах», вызывающих его доверие. Герцен так же, как и Огарев, уверен в войске как революционной силе: «Наше войско, я думаю, скорее ближе к народу, чем другие» (X, 121). Агитация Огарева и Герцена сознательно обращена к войску. Огарев в статье «На новый год 1861» обращается с призывом к «образованным русским офицерам» (ср. текст об «офицерах добрых» в прокламации «Барским крестьянам») примкнуть к общему движению и сделать так, «чтобы правительственная бездарность не могла опираться на штыки и рассчитывать на пушки».

«Если один полк откажется стрелять по народу, то все откажутся, потому что солдат по приказу, может, еще и пошел бы на мужика, но против солдата — в наше время — он уже ни за что не пойдет...»⁵⁸.

Отсюда и призыв «Колокола» к молодежи идти служить в войска. В «Письмах к соотечественнику» Огарев предлагал: «Уж если нужна служить, лучше служить в военной службе; по крайней мере в войско прибавится масса образованных офицеров, которые не допустят солдат ни стрелять по народу, ни мешать Польше устраиваться, как знает...»⁵⁹.

Высказываясь об организационных сторонах тайного общества, Огарев в публикуемом документе полагает, что оно, в соответствии с выводами его анализа, должно разбиться на 16 округов, имеющих следующие центры: 1) Петербург, 2) Тверь, 3) Москва, 4) Нижний, 5) Курск, 6) Смоленск, 7) Харьков, 8) Одесса, 9) Киев, 10) Варшава, 11) Литва, 12) Кавказ, 13) Оренбург, 14) Казань, 15) Архангельск, 16) Рига. Каждый округ возглавлен лишь *одним* ответственным лицом. «Всего 16 человек, которые должны быть друг с другом в постоянных сношениях и в постоянных сношениях с тремя пунктами за границей: Берлин, Гейдельберг и Лондон. Берлин необходим как пункт, близкий к границе и удобно сносящийся и с Гейдельбергом и с Лондоном».

Далее формулируется точная установка: «если правительство в Земском соборе откажет, то на тех же основаниях произвести восстание со всех периферий разом». В этом месте Герцен делает отметку: «Но правительство может, не отказывая и не принимая, взять *mezzo termine* *, уступить долю, что, вероятно, и будет».

Документ кончается требованием: «Центральные члены обязуются *под пыткой* не называть друг друга»⁶⁰.

Итак, из всего содержания ясно, что неудача первой попытки, ориентированной на 1861 год, не сломила революционеров. Предпринята новая попытка организации тайного общества, разработаны его формы, поставлены цели. Цель организации восстания отнюдь не снята — она существует. Огарев не боится восстания — он его готовит. Восстание на этот раз ориентировано на весну 1863 г., когда истекал срок введения в действие «Положений» 19 февраля 1861 г. В последующем документе «Три вопроса», который относится к весне 1863 г., Огарев пишет: «*Опять* нам приходится приняться за работу подготовки следующего русского военно-крестьянского восстания...» (курсив мой.— М. Н.). Эта формула «опять» хорошо отражает повторность усилий, говорит о втором этапе пройденного пути.

Изучаемый документ надо отнести к формирующейся «Земле и Воле».

Об этом говорит и последний лист документа, оборот которого заполнен рукою Герцена: «Какими средст<вами> З<емля> и В<оля> должна действовать». Здесь — впервые в публикуемых нами текстах встречается название общества «Земля и Воля». Отсюда (а также из всей совокупности уже приведенных выше документальных данных) рождается предположение: не является ли «Земля и Воля» организацией, оформляющейся на *втором* этапе движения? Переломный момент между первым и вторым этапами очевидно относится к концу 1861 — началу 1862 г. Поскольку датировка разобранной рукописи временем ранее 1863 г. не вызывает сомнений, упоминание Герцена о «последней польской революции» на обороте последнего листка может быть понято лишь как упоминание об учете уроков первого польского восстания 1830—1831 гг. Можно выдвинуть и менее правдоподобное предположение о том, что Герцен заполнил этот оборот много позже, нежели Огарев — предшествующие страницы, — года через два. В этом случае упоминание о «последней польской революции» должно было бы быть отнесено к 1863 году. Однако подобное предположение надо признать менее вероятным. Правдоподобнее датировать эту запись Герцена как в о б щ е м одновременную всему документу в целом. Это — запись человека, обсуждающего *те же* вопросы, что и основной документ, обсуждающего их в те дни, когда документ был завершен и показан ему.

8

Два последних документа находятся в записной книжке Огарева. Первый из них — список офицеров, членов революционной организации. Он вписан в записную книжку Огарева чьей-то товарищеской рукою, вероятно рукою А. А. Потебни. Человек, который по просьбе Огарева четко вписал в его записную книжку конспиративнейшую запись — названия полков и фамилии военных членов тайной организации, конечно, сам был руководящим членом организации. Чтобы создать столь разветвленную организацию в войсках, необходимо немалое время. Работа по созданию такой организации началась, очевидно, задолго до того времени, которым датируется разбираемый документ. По упоминаемым в списке польским местностям (Модлин, Ивангород и пр.) можно заключить, что данная офицерская организация, возможно, и является тем офицерским революционным Комитетом, который работал в русской армии во время польского восстания 1863 года.

Список содержит 64 офицерских фамилии, расположенные в порядке следования дивизий и полков. Полки относятся к 4, 5, 6, 7 и 2-й пехотным дивизиям; далее фамилии распределены по более мелким частям (стрелковым батальонам, одной артиллерийской бригаде, одному саперному батальону), а затем без обозначения частей, под рубрикой: «переведены в Россию». Около наименования полка стоят, как правило,

* полумеры (итал.).

две фамилии. Трудно представить себе, чтобы в 17 упомянутых полках наблюдалась такая странная закономерность, что в каждом из них было бы, как правило, только два члена революционной организации. Очевидно, тут упомянуты не просто рядовые члены, а члены-руководители, ответственные лица, которых было, как правило, по два на полк. Это особо подтверждается наличием при некоторых фамилиях следующих ремарок: «От них же подробности военной организации всей 4-й дивизии», или «Чрез них велась пропаганда 2-й дивизии», или, наконец: «от него все саперы 2-го корпуса». Очевидно, в данном случае указаны руководители еще более высокого порядка, отвечающие не только за полковую, но и за дивизионную тайную организацию.

В списке обращает на себя внимание фамилия поручика Крупского ⁶¹. Естественен вопрос — не родственник ли это Надежды Константиновны Крупской? Ряд совпадающих данных делает чрезвычайно вероятным предположение, что это — ее отец, Константин Игнатьевич Крупский. Архивные данные фонда Крупской в ИМЭЛ подтверждают это предположение: отец Надежды Константиновны окончил кадетский корпус, затем военное училище, был офицером, служил в армии; по определению дочери, он был «шестидесятником», не только связанным с революционными кругами первой «Земли и Воли», но являлся и членом офицерской революционной организации. Его воинская часть стояла в Польше во время польского восстания 1863 года (это также совпадает со списком Огарева, так как около имени Крупского и его товарищей стоит ремарка «в крепости Ивангород»). Отец Надежды Константиновны умер в 1883 г., когда ей было 14 лет.

В архиве Н. К. Крупской сохранились ценные материалы об ее отце. К их числу относятся, например, неопубликованные стенограммы ее выступлений, содержащие воспоминания о нем ⁶².

Так, в 1936 г. Надежда Константиновна выступала с докладом на тему «Дружба народов» в Московском библиотечном институте и остановилась, развивая свою тему, на русском революционном движении. В этой связи она рассказала следующее о Константине Игнатьевиче Крупском: «Мой отец был шестидесятник-революционер. Он учился в Михайловском артиллерийском училище, где среди тогдашней военной молодежи велась революционная агитация тогдашней „Земли и Воли“; читали они там Герцена, какие-то листки. Когда началось польское восстание 1863 года, их мобилизовали на подавление восстания. Отец примкнул к тогдашней революционной организации офицерства, помогал побегам поляков, отводил свою роту в сторону, за что его чуть не пристрелил унтер».

Сопоставляя свидетельство Надежды Константиновны с офицерским списком в записной книжке Огарева, мы находим разительное совпадение данных: поручик Крупский значится в списке как один из участников тайной организации и, очевидно, как один из ее руководителей в своем полку. Можно внести лишь то уточнение в сведения Надежды Константиновны, что отец ее, очевидно, состоял членом тайной организации еще до польского восстания 1863 года, поскольку данный список датируется временем или самого конца 1862 года или самого начала 1863 года.

Необходимо также обратить внимание, что фамилия и чин упомянутого в списке поручика Мрочек совпадают с фамилией и с чином участника и организатора Казанского заговора 1863 года ⁶³. Можно предположить, что данный список восходит к А. А. Потембе и является списком Комитета русских офицеров в Польше, а Потемба приезжал в Лондон в ноябре 1862 г. и в феврале 1863 г. он и мог, по просьбе Огарева, вписать состав Комитета русских офицеров в его записную книжку.

Таким образом ясно, что запланированные еще в 1859 г. революционные организации в офицерской среде не остались на бумаге; перед нами — реальная организация революционного офицерства с реальными людьми, очевидно, преимущественно действующими в русской армии, двинутой на подавление польского восстания 1863 года.

Далее следует конспиративная запись исключительного значения. В ней даются: пароль, условные обозначения мест и руководящих организаций, а также конспиративный адрес. Паролем служило слово «Иерусалим». Конспиративным обозначением

центра польского революционного движения—Варшавы— служило наименование «берлин». Польский Центральный народный комитет условно назывался «берлинским банкиром», военный комитет — «берлинской почтой». Другой крупнейший центр польского движения — Краков — носил условное название — «гамбург». Эта же запись является документальным подтверждением наличия русского революционного центра не в Лондоне, а именно в России — в Петербурге, носившем условное название «любек». Русский Революционный центральный комитет имел конспиративное название — «любекский банкир». Если распространить на данную запись примерно ту же датировку, которая определяет время возникновения офицерского списка, т. е. конец 1862 — начало 1863 года,— то необходимо признать, что русский Революционный центральный комитет сохранился в Петербурге и после ареста Н. Г. Чернышевского (7 июля 1862 г.). Если так, то нельзя не отметить, что непоколебимая стойкость русских «революционеров 1861 года», схваченных царским правительством и заточенных в тюрьму, сохранила Революционный центральный комитет от разгрома,— русское революционное движение, очевидно, обязано этим стойкости Н. Г. Чернышевского, М. И. Михайлова, Вл. А. Обручева, Н. В. Шелгунова...

Разумеется, историкам русского революционного движения не раз придется вернуться к комментарию публикуемых документов, который будет обогащаться и уточняться по мере дальнейшего исследования и архивных изысканий. Многочисленные имена, приведенные в офицерском списке, дают для этого самые широкие возможности (автор настоящего комментария работает над монографическим исследованием, посвященным всей совокупности затронутых здесь вопросов, и, в частности, детальному изучению офицерского списка). Что же касается упомянутой в конспиративном адресе «генеральши Гейнс», то необходимо заметить, что семья Гейнс была близка ко двору, одна из Гейнс числилась придворной фрейлиной, следовательно, адрес этот находился вне подозрений царской полиции и в конспиративном отношении являлся вполне надежным.

9

Последний из публикуемых документов — записка Огарева, начинающаяся словами: «Три вопроса...». Она находится в той же записной книжке и расположена вслед за списком офицеров. Записка представляет собою директиву некоему лицу, очевидно члену революционной организации, отправляющемуся в Швецию с рядом революционных поручений. Организация названа в самом документе прозрачным сокращением «З и В», — не представляет труда раскрыть ее название: это первая «Земля и Воля». Посылаемое лицо носит в документе название «Junior» *, — так называли сына Герцена Александра. Посланцу поручались переговоры с революционными организациями Швеции и особенно Финляндии. Три вопроса были: 1) Учреждение склада и постоянных сношений. 2) Присоединение финского общества к русскому. 3) Литовское дело.

Герцен был полностью в курсе содержания «Трех вопросов», и его замечания по тексту не относились к существу содержания, с которым он, очевидно, был согласен, формулируя свои возражения лишь относительно его формы и некоторых тактических вопросов. Очевидно, именно об этом документе пишет он в письме к Огареву от 29 апреля 1863 г.: «Насчет финского письма скажу, во 1-х, что оно длинно,— я отметил два алиаса**; во 2-х следовало бы прежде знать, какого мнения V. Czartorysky. Я бы долею содержание написал для Саши⁹⁴, а квинт-эссенцию) Квинтену. Ехать Саши, пожалуй, может ех. гр. *** в понедельник или во вторник» (XVI, 233—234).

В тексте публикуемых «Трех вопросов» Огарев дает в чрезвычайно конкретной и авторитетной форме директивы о «присоединении финского общества к русскому», об общей программе совместных действий, об отношении к уже начавшемуся польскому восстанию, о взглядах финского общества на «русское дело», о желательности перехода начавшегося восстания в «повсюдное крестьянское восстание». Весь текст говорит о большой работе его политической мысли. Огарев предполагает, что финское тайное

* «Младший» (лат.).

** повторения (лат.).

*** например (лат.).

«общество еще недостаточно окрепло, нуждается в дальнейшем росте и усилении. В общем то же думает он и о «русском обществе», в дальнейшем прозрачно именуемом сокращением «З(емля) и В(оля)», находя последнюю еще в утробном периоде: «Я не думаю, чтобы финское тайное общество уже теперь было организовано сильно; я думаю что оно, как и русское общество, состоит на правах зародыша, способного к необычайно быстрому росту».

Отчетливо высказывается Огарев и в пользу самостоятельного политического существования революционной Финляндии — союзной с Россией страны.

«Из письма В(акунина) очевидно, — пишет Огарев, — что финны хотят отделаться и присоединиться к Швеции, или остаться самостоятельными, или даже остаться в федерации с вольной Россией, но на правах самобытного управления. С нашей стороны всего благоразумнее желать им отдельного существования, не в федерации, а в союзе с Россией и Швецией. С падением Петербурга Швеция не может быть врагом, и мы, естественно, можем стремиться только к союзу с Скандинавией вообще». Под «падением Петербурга» разумеется, несомненно, падение самодержавия. Возвращаясь к этому вопросу в дальнейшем тексте, Огарев пишет: «Для нас самостоятельность Финляндии становится такой же дорогою внутренней мыслью и целью, как для финнов коренное преобразование России из петербургской в народную и федеративную». Ясно, что лондонский революционный центр располагает значительными связями с передовым Петербургом и может привести в движение нужные рычаги даже после ареста Чернышевского, если Огарев может написать: «...общество З(емля) и В(оля) может быть полезно поднятием финского вопроса постоянными разговорами и даже намеками в петербургской журналистике, так что русское общественное мнение довольно быстро приготовится в пользу самостоятельности Финляндии...».

Замечателен глубокий взгляд Огарева на польские события: «Я думаю, что польская революция действительно удастся только тогда, если восстание польское перейдет соседними губерниями в русское крестьянское восстание. Для этого необходимо, чтобы и самое польское восстание из характера только национальности перешло в характер восстания крестьянского и, таким образом, послужило бы ферментом для целой России и Малороссии». Огарев далее выражает сомнение в том, что польское восстание найдет в себе силы пойти по этому пути. В случае неудачи предпринимаемого нового демократического натиска Огарев готов приняться за работу вновь: союз с финским тайным обществом необходим и в случае неудачи польского движения. «Гораздо лучше приняться сразу за союз на серьезную подготовку общего восстания через два, три, четыре года, т. е. тогда, когда все шансы будут в нашу пользу и силы достаточно подготовлены», — пишет он.

Ясно, что подобные директивы мог давать только *руководящий член* «Земли и Воли». Из этого документа, думается, неопровержимо следует, что Огарев и Герцен не только были членами русского тайного общества «Земля и Воля», но входили в его руководящее ядро, в руководящий центр и имели широкие полномочия от тайной организации. Несомненным членом организации был и сын Герцена Александр.

Публикуемые документы заслуживают самого пристального внимания. Они, несомненно, входят в состав важнейших документов революционной ситуации и еще долго будут изучаться советскими историками. Подведем некоторые итоги.

Итак, — замысел создания тайной организации, который вообще с юных лет не покидал Герцена и Огарева, возобновился у них в атмосфере общественного оживления, в годы, следовавшие за Крымской войной и смертью Николая I. «Записка о тайном обществе» Огарева, относящаяся к 1857 г., и является развернутым письменным изложением цели и структуры тайного общества. Она разворачивает обширный замысел широкой пропаганды и вербовки членов в тайную организацию, руководимую немногочисленным центром. Цель общества — подготовка будущего, еще не очень близкого, переворота. Одновременно и, очевидно, в непосредственной связи с замыслом в целом, Огарев предлагает издавать центральное пропагандистское издание революционного

центра. Это, несомненно, и есть «Колокол». Замысел развивается и конкретизируется в 1859 г., памятником чего является новый документ — «Идеалы», разрабатывающий практическую республиканскую программу борьбы с самодержавием и крепостным правом.

В этот период работа над программой революционной организации, проводимая Огаревым, включает в себя разработку основных принципов будущего русского политического устройства. Допускаются в дальнейшем два конституционных варианта — конституционная монархия или республика. «Идеалом» является последняя. Будущее государственное устройство понимается как федеративный союз с большой внутренней самостоятельностью федеративных политических единиц, но с наличием центрального правительства, ответственного перед избирателями. В будущей русской федерации отменено крепостное право, крестьяне наделены землей в размере реальной крестьянской запашки, «как есть межа», за землю прежним владельцам уплачивается денежное вознаграждение («пособие») за счет государства; ликвидированы сословия, введено всеобщее равенство перед законом, отменено царское чиновничество и организовано управление из выборных людей. Предложенная программа преобразований носит несомненный буржуазно-демократический характер.

Очевидно попытки реализации замысла относятся ко времени, непосредственно следующему за его возникновением; они вступают в особо важный этап в 1859 г., когда в Лондон для свидания с Герценом и Огаревым приезжает Чернышевский. При всех отличиях в политической позиции Чернышевского и его соратников и деятелей лондонского центра, и те и другие, несомненно, стояли по одну сторону баррикады. Традиционный взгляд, согласно которому Чернышевский ездил в Лондон лишь по частному вопросу столкновения «Колокола» со «Свистком», необходимо оставить как узкий и не соответствующий фактам. Вся вскрываемая теперь обстановка, вся совокупность фактов говорит за то, что причиной свидания была, прежде всего, необходимость выработать общую программу действий и договориться о практике революционной работы. Этой основной цели подчинялись и разговоры о «Свистке». Свидание это, состоявшееся в первый год революционной ситуации, приобретает чрезвычайную важность.

После этого свидания возникает документ, свидетельствующий о резкой радикализации всего плана революционной работы, — проект «всеобщего нового устройства России» (документ «Цель русского движения...»), относящийся ко времени до крестьянской реформы и с наибольшей вероятностью датируемый 1860 годом. Выдвигается тактический план предварительной подачи царю адресов о созыве Земского собора, который и должен принять решение о «всеобщем новом устройстве России». «Если (или так как) царь не захочет созвать Земский собор, — неизбежно «повсюдное» восстание, которое надо «устроить» и «направить в разумном порядке». Очевидно, лондонский центр и центр в России, возглавляемый Чернышевским, договариваются об особой форме народного вооруженного восстания, во главе которого идут восставшие войска, а за ними — в военном строю — вооруженное крестьянство. План, развиваемый Огаревым в документе «Цель русского движения», в этом отношении, несомненно, во многом перекликается как с прокламацией Чернышевского «Барским крестьянам», так и с последующим планом «Великорусса». Поскольку эта общность никак не может быть признана случайной, надо признать налицо не только самый замысел, но и несомненную попытку его реализации. Об этом свидетельствует решение русских революционеров опубликовать воззвание «Барским крестьянам» непосредственно накануне реформы, решение издать и другие революционные воззвания, обращенные ко всем слоям населения, создать проекты «адресов» правительству, исходящие из революционных кругов. Свидетельство прокламации «Барским крестьянам» о *существовании* в России тайной организации накануне и во время отмены крепостного права вносит значительную ясность в общую картину.

Первое вооруженное восстание, задуманное революционной организацией, началось, повидимому, на 1861 г. и приурочивалось к самому моменту объявления царской «воли». Однако эти планы не смогли осуществиться. Во втором периоде движения, связанного с организацией тайного общества «Земля и Воля» шестидесятых

годов, выступление намечалось на весну 1863 г. Новые материалы заставят, очевидно, несколько переосмыслить и события Казанского заговора 1863 года, являющегося, повидимому, лишь частью большого замысла, вероятно запланированного руководящим центром.

В свете всех приведенных данных серия прокламаций начала шестидесятых годов также осмысливается в основном как попытка централизованной и руководимой из одного центра агитации.

Первая попытка открытого выступления, приуроченная к объявлению народу царской «воли» в марте 1861 г., потерпела неудачу. Революционное движение в стране вместе с тем понесло тяжелые потери — смерть Добролюбова и Шевченко, арест Михайлова и ряда других деятелей, наконец, арест Чернышевского летом 1862 г. В создавшейся тяжелой обстановке все же предпринимается подготовка новой попытки открытого выступления, намечаемого на весну 1863 г. На этом этапе и действует тайная русская революционная организация «Земля и Воля» шестидесятых годов. Организация эта, в частности, связана не только с польскими революционными кругами, но и с финским революционным движением.

Огарев и Герцен, несомненно, входили в руководящее ядро «Земли и Воли» шестидесятых годов.

Новые материалы подтверждают, что мемуары Герцена «Былое и думы» носят на себе печать конспирации и не отражают всей полноты событий, протекших в Лондоне между 1859—1863 гг.

Новые материалы подтверждают ленинскую концепцию революционной ситуации в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов XIX в. и являются драгоценным источником для исследования этого периода в свете ленинской концепции. В прежнем комплексе конкретных фактов, раскрывавших понятие революционной ситуации, в сущности, наистро отсутствовала тематика организованного революционного движения, отсутствовала проблематика замыслов революционного характера и попытки осуществить их. В этом разрезе революционное движение выглядело беднее и ниже по уровню, нежели движение декабристов, прошедшее путь десятилетнего развития революционной организации со сложной идейной жизнью и богатой внутренней историей. С этим антиисторическим подходом к русскому революционному движению «разночинского» периода необходимо покончить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «революционеры 1861 года» дважды употреблен В. И. Лениным в работе «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция — см. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94 и 100.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14—15; т. 20, стр. 223—225.

³ В монографиях Я. Е. Эльсберга и З. П. Базилевой, посвященных Герцену, совсем не упоминается о конспиративной революционной работе и замыслах революционной организации в годы революционной ситуации.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. XIV. М., 1949, стр. 456.

⁵ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. VI. М., 1939, стр. 266 (ср. 267).

⁶ «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1947, № 2, стр. 105—122.

⁷ См. авторефераты: Н. Н. Новикова. «Великорусс» и его место в революционно-демократическом движении конца 1850-х — начала 1860-х годов; И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское движение 1860-х годов, и др.

⁸ Над монографией «Русское революционное движение в годы революционной ситуации (1859—61)» автор работает в настоящее время. Опубликованные мною ранее работы — «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации» («Исторические записки», 1941, № 10) и «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации» («Известия АН СССР», 1947) — являются подготовительными для указанной монографии.

⁹ См. ниже в наст. томе.

¹⁰ Н. П. Огарев. Исповедь лишнего человека. В изд.: «Стихотворения и поэмы», т. II. Л., 1938, стр. 274—275 (подчеркнуто мною. — М. Н.).

¹¹ Н. П. Огарев. Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX века» (1861). Цит. по книге: Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Под общ. редакцией М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова. Подбор, подготовка текста к печати и примечания Я. З. Черняка. Т. I.

М., 1952, стр. 465 (далее цитируем это издание сокращенно: Н. П. Огарев. Избр. произв.).

¹² «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 323—328.

¹³ Пользуюсь «Описанием рукописей Н. П. Огарева», составленным А. В. Аскарянц, под ред. Я. З. Червяка. М., 1952, стр. 109. Тетрадь Огарева под шифром Г.—О. VI. 19.

¹⁴ Пользуюсь датировкой «Описания рукописей Н. П. Огарева» (см. пред. примеч.).

¹⁵ «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 321.

¹⁶ Там же, стр. 328.

¹⁷ Там же, стр. 328.— Нельзя, вместе с тем, не отметить глубокой противоречивости в комментарии Б. П. Козьмина, даваемом разбираемому здесь документу. Комментатор считает целью проектируемого общества «подготовку переворота», подготовку «к коренному изменению основ социально-политического быта страны». Вместе с тем общество, ставящее себе столь высокую конечную цель, квалифицируется Б. П. Козьминым как «не боевая революционная организация, подготавливающая восстание, а просветительная ассоциация, занятая распространением знаний...». Одно противоречит другому, понятие «переворота» во втором определении забыто. Не всегда, не в любой момент тайное общество может и должно заниматься непосредственной, боевой подготовкой ближайшего революционного восстания. Не всегда восставать можно «завтра». Нельзя признавать конечной целью общества подготовку переворота и одновременно не считать общество революционным.

¹⁸ В настоящую публикацию я не включаю документ, «пражской коллекции», который в работе «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации» (цит. изд., стр. 114) упомянут третьим по счету и предположительно определен как конец «Записки о тайном обществе», начало которой опубликовал в «Лит. наследстве» (т. 39-40) Б. П. Козьмин. Основываясь на датировке «Записки о тайном обществе», данной Б. П. Козьминым, я относила примерно к той же дате и найденную рукопись. Она представляла собою конец какого-то текста, ее страницы были занумерованы как 5-я и 6-я, иначе говоря, в рукописи не хватало четырех страниц. Значительная доля ее текста совершенно точно или с некоторыми изменениями воспроизводила текст «Записки о тайном обществе», добавляя к нему концовку с призывом «Vivos vosc!» — лозунгом «Колокола». Предпринятое сличение вновь найденной рукописи со статьей Огарева «Сплотимтесь дружно», опубликованной в последнем — шестом — номере «вечаевского» «Колокола» (1870), также показало многочисленные текстовые совпадения. Поэтому из осторожности я не ввожу ее сейчас в публикуемый комплекс, поскольку ее датировка не может быть бесспорно обоснована. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на чрезвычайную стойкость положений «Записки о тайном обществе» в революционном сознании Огарева, — он пользовался ее текстом и в 1870 г., включая его почти без переработки в свою новую статью.

Текст статьи Огарева «Сплотимтесь дружно» вошел в книгу: Н. П. Огарев. Избр. произв., т. I, стр. 800—803. Документ из «пражской коллекции» печатается ниже в наст. томе, стр. 574. Пользуюсь случаем поблагодарить Я. З. Червяка за указание на близость изучаемого документа со статьей «Сплотимтесь дружно».

¹⁹ Эта и последующие цитаты — см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 323, 325 (курсив в цитатах из «Записки о тайном обществе» мой.—М. Н.).

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

²¹ Опубликовано в «Красном архиве», № 32, 1929, стр. 233—234.

²² Датировка рукописи «Идеалы» подробно мотивируется ниже (см. вводную заметку к публикации документа). Ее основанием служит упоминание об идущей и еще не закончившейся войне — этой войной может быть, на мой взгляд, лишь так называемая Итальянская война 1859 года.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

²⁴ Н. Г. Чернышевский. Дневник.—«Лит. наследие», т. I. М.—Л., 1928, стр. 557.

²⁵ Сначала Огарев хотел написать «Малороссийский», но, написав лишь часть слова «Малор», зачеркнул ее и написал «Украинский». Далее в той же строке он написал «или Черноморский», но затем зачеркнул эти два слова.

²⁶ «Звенья», 1932, т. II, стр. 349—358.

²⁷ Н. П. Огарев. На новый год 1861— «Колокол», л. 89 от 1 января 1861 г. Цитирую по изданию: Н. П. Огарев. Избр. произв., т. I, стр. 374—395.

²⁸ Ранее было: «отрасли управления». Позже зачеркнуто.

²⁹ Н. П. Огарев. Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX века». Лондон, 1861.—Цит. по книге: Н. П. Огарев. Избр. произв., т. I, стр. 453.

³⁰ Там же, стр. 455.

³¹ Б. Козьмин. Казанский заговор 1863 года. М., 1929, стр. 58, 64—65 и др.

³² Н. П. Огарев. Записка о тайном обществе.—«Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 323.

³³ Этот вопрос освещен в статье: Б. С. Гинзбург. Отношение А. И. Герцена и Н. П. Огарева к крестьянской реформе в период ее подготовки (1857—1860 гг.).—«Исторические записки», № 36, 1951, стр. 187—218.

⁸⁴ Н. П. Огарев. Избр. произв., т. I, стр. 305, 527, 324.

⁸⁵ Там же, стр. 341.

⁸⁶ Н. П. Огарев. Разбор нового крепостного права. — Там же, стр. 489—490.

⁸⁷ Н. П. Огарев. Проект адреса царю от государственных крестьян. — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 331—336.

⁸⁸ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. Редакция, вступительная статья и примечания А. А. Шилова. М.—Пг., 1923, стр. 33.

⁸⁹ Там же; курсив мой. — М. Н.

⁹⁰ Там же, стр. 32.

⁹¹ Сопоставление первого варианта записок Н. В. Шелгунова со вторым дает в этом отношении разительные результаты. Так, в первом варианте рассказ о создании «артельного журнала» (для этого был приобретен «Век» Вейнберга) содержит описание бурного заседания. Описание включает в себя в первом варианте следующие строки: «Когда Елисеев спросил, для чего нам нужен свой орган, Серно-Соловьевич ответил, что он нужен нам „на случай восстания“». Во втором варианте этот эпизод передан так: «Когда Елисеев спросил, для чего нам свой орган, — Серно-Соловьевич ответил: „Для того, чтобы во всякую минуту, когда в нем будет нужда, он был готов“». Комментарии, думается, излишни (ср. Н. В. Шелгунов. Цит. соч., стр. 34 и 146).

⁹² Диссертация Н. Н. Новиковой «„Великорусс“ и его место в революционно-демократическом движении в годы революционной ситуации», защищенная в июне 1951 г., специально исследует данный вопрос и приходит к тем же выводам.

⁹³ М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации. «Исторические записки», 1941, № 10, стр. 19—28.

⁹⁴ Н. Г. Чернышевский. Избр. соч., т. I. Подготовили к печати М. В. Нечкина, Н. М. Чернышевская, А. Штраух. М., 1928, стр. 150—151. — Текст прокламации Н. Г. Чернышевского проверен мною по рукописи М. И. Михайлова, находящейся в деле П. Г. Зайчневского, поскольку прокламация «Барским крестьянам» дошла до нас лишь в копии М. И. Михайлова. Текст второй приводимой мною цитаты в рукописи позже был зачеркнут (повидимому, не рукою Михайлова: иной цвет чернил, иной — грубый — характер толстой черты, прочерченной сильно нажатым пером; зачеркивание явно иное по характеру, чем весь текст рукописи).

⁹⁵ Я высказала свои сомнения по этому вопросу в статье «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации» (см. «Исторические записки», т. X, 1941, стр. 36—37).

⁹⁶ Н. Г. Чернышевский. Избр. соч., цит. изд., 1928, т. I, стр. 14.

⁹⁷ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. VI. М., 1939, стр. 487, 488.

⁹⁸ Добролюбов использует здесь выражения из своего известного стихотворения:

Я ваш, друзья — хочу быть вашим,
К труду и битве я готов.
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов.

Эти стихи — также несомненное свидетельство о возникновении революционного объединения. Добролюбов умер 17 ноября 1861 г., т. е. до основания «Земли и Воли», если считать датой ее основания общепринятую, а именно 1862 год.

Более того, стихотворение Добролюбова «Еще работы в жизни много», цитата из которого была приведена выше, свидетельствует не только о возникновении, т. е. о *наличии* организации, но и о том, что ее внутренняя история вступает в какой-то новый этап. Выразив желание «начать в союзе нашем живое дело вместо слов», Добролюбов продолжает:

Но если нет, — мое презренье
Меня далеко оттолкнет
От тех кружков, где словопренье
Опять права свои возьмет.

Отсюда ясно, что предшествующий период, предшествующие попытки организации *не* удовлетворяли Добролюбова: тогда были кружки, занимавшиеся «словопреньем» и не находившие в себе сил серьезно взяться за «живое дело вместо слов»; теперь что-то изменилось, преобразуется, организуется на каких-то новых началах, которые позволяют Добролюбову сказать революционным друзьям: «я — ваш» и надеяться, что теперь все пойдет по-иному, начнется «живое дело». Добролюбов ставит вопрос решительно и резко, как и подобает революционеру: даже лучше ничего не организовывать, нежели *опять* заниматься «словопреньем»:

И сгину ль я в тоске безумной
Иль в мире с пошлостью людской, —
Всё лучше, чем заняться шумной
Надменно-праздной болтовней.

В то же время Добролюбов сейчас, на *новом* этапе развития, верит и в приход революции, и в несомненный приток новых людей в революционный круг, и в высокий революционный подвиг, который выпадет на долю этих новых людей:

Но знаю я,— дорога наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет.

Заметим, что слова: «дорога наша уж пилигримов новых ждет» были — очевидно не случайно — исключены Некрасовым из цензурных соображений и заменены точками при первой публикации стихотворения.

⁴⁹ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах». т. I. М., 1890, стр. 510—512.

⁵⁰ Там же, стр. 525.

⁵¹ В. С. К р у ж к о в. Мировоззрение Н. А. Добролюбова. М., Госполитиздат, 1952, стр. 244—245.

⁵² Н. А. Д о б р о л ю б о в. Полное собр. соч., т. VI. М., 1939, стр. 219.

⁵³ «Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы». Редакция и примечания Н. А. Алексеева. Саратов, 1939, стр. 51—54, 76—77.

⁵⁴ Там же, стр. 60—61.

⁵⁵ Я подробно останавливаюсь на датировке прокламации «Барским крестьянам» в своей работе «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации» («Исторические записки», № 10, 1941, стр. 19—27).

⁵⁶ Т. е. интерес *владения землей*. Иначе говоря, это та же совокупность мыслей, которая породила лозунг: *земля и воля*.

⁵⁷ Н. П. О г а р е в. На новый год 1861— «Колокол», л. 89, от 1 января 1861 г.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Н. П. О г а р е в. Письма к соотечественнику. — «Колокол», л. 77—78, от 1 августа 1860 г. Ср. Н. П. О г а р е в. Избр. произв., т. I, стр. 377.

⁶⁰ Слова «под пыткой» Герцен подчеркнул и поставил над ними знак вопроса.

⁶¹ Упомянутого в записной книжке Огарева поручика Крупского не следует смешивать со Станиславом Крупским. В 1862 г. Станислав Крупский сидел вместе с М. И. Михайловым в Тобольском остроге; в 1863 г. он бежал с места поселения, был пойман в Пермской губ. и отправлен в Казань, где и допрашивался его следственная комиссия. Таким образом доказывается его *alibi* в Польше в 1862—1863 гг. (ср. М. И. М и х а й л о в. Записки. Пг., 1922, стр. 102—103).

⁶² Мною использовано в фонде Н. К. Крупской ее неопубликованное письмо к В. В. Адоратскому от 15 апреля 1934 г. с сообщением сведений о своем отце, стенограмма доклада Н. К. Крупской в Московском библиотечном институте, прочитанного 31 января 1936 г., и машинописный текст статьи Н. К. Крупской «Дружба народов» (ИМЭЛ, ф. Н. К. Крупской, оп. 1, ед. хр. 4, 7, 8). В этом же фонде хранится семейный альбом Н. К. Крупской, где под фотографией молодого офицера в форменной шинели рукою Надежды Константиновны написано: «Мой отец в молодости».

⁶³ Арестованный по делу о Казанском заговоре поручик Александр Мрочек 4-го резервного батальона Томского пехотного полка (род. 1832) в апреле 1863 г. находился в Казани, где и повешен 6 июня 1864 г. Таким образом, указание на форт Перовский может являться ошибкой записи, но может относиться и к другому лицу. Нельзя, однако, забывать и того, что в близких к Герцену — Огареву кругах применялся уже упомянутый нами шифр для обозначения городов, причем название одних городов, заменялось другими. В качестве еще одного примера можно привести шифр Бакунина в письме к Налбандяну (опубликовано М. Лемке) от 6 мая 1862 г. из Лондона: «Петербург—Або. Кронштадт—Керчь. Иркутск—Калуга. Томск—Одесса. Омск—Полтава. Москва—Мценск. Тверь—Орел и т. п.».

Ниже публикуются (после списка офицеров) новые шифры конспиративного центра (Варшава — берлин, и т. д.).

Многие фамилии, упомянутые в публикуемом списке, известны в истории русского революционного движения тех лет. Однако не всегда можно установить, что речь идет в списке именно об этих лицах. В отдельных случаях можно ставить вопрос о родственных связях. Так, упомянем об арестованном за участие в студенческих волнениях (1861) Григории Дашкевиче, о студенте СПб. университета Ксаверии Вокульском (арестован за участие в студенческом движении) и студенте Медицинской академии Вячеславе Яковлевиче Мосальском, арестованном в августе 1862 г. и высланном в Вятку, с подпоручике Антонии Рыке (18-й стрелковый батальон), арестованном в марте 1863 г. за изготовление боевых патронов и оружия, и т. д. Заметим, что фамилия Чортов употреблялась позже как конспиративная кличка (так называли, например, нечаевца Прыжова).

⁶⁴ Речь идет о сыне Герцена Александре Александровиче, отправлявшемся в Швецию.

ПЯТЬ РЕВОЛЮЦИОННО-КОНСПИРАТИВНЫХ
ДОКУМЕНТОВ ИЗ БУМАГ ОГАРЕВА

1

Первый публикуемый документ представляет собою рукопись Огарева. Она написана чернилами на белой нелинованной почтовой бумаге небольшого формата (17,7 × 11,3). Согнутые четырехстраничные листки не вложены один в другой, а приложены один к другому и перенумерованы чернилами полистно рукою Огарева. Фиксирующая нумерация цифра стоит на правом развороте, в верхнем правом углу, а соответствующая левая оборотная страница остается не нумерованной — таким образом, нумерация дана полистная, а не постраничная. Всего таких согнутых отдельных почтовых листков три, в соответствии с этим последний лист заномерован как 6-й, а страничек в рукописи всего 12. Почтовая бумага не имеет водяных знаков, помогающих датировке — она лишь покрыта водяной сеткой эгутера из тонких и близких параллельных линий, пересеченных редкими параллельными же чертами, перпендикулярными к первым. Все три первых листка были согнуты вчетверо, причем название рукописи и первая ее страница пришлись внутрь сгиба. Последний лист рукописи, оказавшийся внешним при сложении вчетверо, сильно потерт, причем это особенно заметно на продольной полосе сгиба, который носит очевидные следы частого вкладывания и вынимания.

Рукопись носит название, написанное рукою Огарева «Идеалы», относящееся, однако, не ко всей рукописи в целом, а лишь к первому ее отделу, наиболее значительному по объему. Прочие более мелкие отделы имеют свои подзаголовки: <2> «Настоящее положение», <3> «Цель общества», <4> «Метода общества», <5> «Организация общества», <6> «Первоначальные труды общества». Далее следует ряд заключительных замечаний. Условно будем называть эту рукопись «Идеалы», используя краткость заглавия в рабочих целях.

Рукопись «Идеалы» имеет общий характер белого текста, однако то тут, то там содержит поправки, зачеркивания, вставки, сделанные Огаревым в процессе написания, — что, несомненно, свидетельствует о непрекратившейся в момент занесения на бумагу авторской работе над текстом.

На рукописи дважды проставлена дата «1859», написанная коричневым карандашом в начале текста и вторично — ближе к ее концу. Эти пометы не принадлежат руке Огарева, а очевидно проставлены позднейшим владельцем архива, разбиравшимся в бумагах. Не будем доверять этой дате, датируем документ, не принимая ее во внимание.

Документ «Идеалы» содержит в самом своем тексте, по меньшей мере, две существеннейших приметы, помогающие датировке. Во-первых, в отделе «Цель общества» он содержит перечисление необходимых преобразований, первым пунктом которых является требование освобождения крепостных крестьян; необходимо «общинное освобождение крепостных и казенных крестьян как общинных землевладельцев». Это дает основание утверждать, что документ «Идеалы» написан Огаревым до крестьянской реформы 1861 г. Во-вторых, в отдельных заключительных замечаниях сказано: «Общеславянская конфедерация теперь немислима; она может уясниться только настоящей войной». Отсюда следует, что документ «Идеалы» писали Огаревым во время какой-то войны. Война эта имела несомненно отношение к дальнейшей судьбе славянских народов. Война еще шла, и исход ее в момент написания документа был для Огарева еще неясен.

Что же это за война? Какая война происходила до 1861 г. и имела указанные выше признаки? Прежде всего возникает предположение о Крымской войне 1853—56 гг. Но во время этой войны Огарева еще не было за границей, он приехал в Лондон лишь в апреле 1856 г. В этом случае пришлось бы предположить составление данного текста еще в России, что датировало бы «Идеалы» более ранними датами, нежели рассмотренная выше «Записка о тайном обществе», которую мы датируем началом 1857 г. (см. вступительную статью к настоящей публикации). Правдоподобнее

предположение, что в документе «Идеалы» речь идет о другой войне, более близкой к дате 1861 год. Такой войной может быть лишь так называемая Итальянская война 1859 г. — война Австрии против союза Сардинии с Францией, кончившаяся для Австрии разгромом при Сольферино. Эта война в случае неудачи Австрии и ставила вопрос о судьбе славянских народов, насильственно стянутых обручем Австрийской империи. И Чернышевский, и Герцен именно с данной точки зрения уделяли внимание этой войне. Герценом, например, была задумана особая сюита статей под названием «Война», посвященная всему комплексу этих вопросов. Особенно характерна первая статья задуманной сюиты, концентрированная на славянской проблеме (X, 1—10). Поэтому можно думать, что рукопись Огарева «Идеалы» писалась во время Итальянской войны 1859 г. Так как в момент написания рукописи положение дел для Огарева еще не «уяснилось», можно с большой долей вероятности предположить, что рукопись писалась до поражения Австрии при Сольферино, когда уже никаких сомнений в самом исходе войны быть не могло. Иначе говоря, вероятно предположение, что она писалась до 24 июня 1859 г. и, во всяком случае, до 11 июля 1859 г., когда был подписан закончивший войну Виллафранкский договор. Поскольку Итальянская война началась 29 апреля 1859 г. (в этот день австрийские войска перешли через реку Тичино и начались военные действия), границы искомой даты дополнительно суживаются. Очевидно, рукопись Огарева «Идеалы» написана между 24 июня и 11 июля 1859 г. Таким образом, дата «1859», проставленная на документе карандашом чьей-то рукой, — верна, но может быть дополнительно уточнена.

Из всего сказанного следует, что документ «Идеалы» был написан или непосредственно перед приездом Чернышевского в Лондон, или во время пребывания его в Лондоне, или сейчас же после отъезда Чернышевского; Чернышевский, как известно, приехал в Лондон 26 июня 1859 г., а уехал из Лондона 30 июня 1859 г. (Н. М. Чернышевская. Летопись жизни Н. Г. Чернышевского. М., 1933, стр. 96).

Предлагаемое «Колоколом», в статье Огарева «На новый год 1861» (л. 89 от 1 января 1861 г.), деление, несомненно, более позднее, нежели в рукописи. В тексте «Колокола» оно более детально отработано. Так Урало-сибирский и Амурский союзы, указанные в рукописи, даны в «Колоколе» более дифференцировано: Уральская область, Сибирь, Прикаспийская область; в рукописи же вообще упущена область, которая охватывала бы прикаспийскую территорию — очевидно этот пропуск был замечен и восполнен в позднейшем тексте.

〈ЦЕЛЬ, МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА〉

Идеалы *

Цель общества — положить начало социальному миру на основании общинного землевладения.

Следственно, главный принцип: самоуправление общины.

Самоуправление общины исключает вмешательство правительственной администрации, казенного судопроизводства и даже законодательства в дела общины.

Высший размер административного единства для нескольких общин не выходит из пределов волости.

Связь между волостями конфедеративная.

Следственно, другой принцип общества — замен центральной власти, немецко-бюрократической — центром конфедерации **.

Если общинно-волостное самоуправление поглощает в себе законодательно-судебную и от нее зависящую исполнительную власть, — ка-

* В начале статьи написано неизвестной рукой цветным карандашом: 1859 и Огарев.

** На полях абзац отмечен крестом (карандашом).

кая же власть может быть дана центрально-конфедеративному правительству?

Без сомнения, к его сфере деятельности могут относиться только вопросы междуволостной связи и отнюдь не междуволостных раздоров, которые могут решаться только междуволостным третейским судом, а не центральным правительством.

* Вопросы междуволостной связи следующие:

1. Пути сообщения:

а) постройка и содержание железных и других сухопутных дорог, речных и морских судоходств;

ГЕРЦЕН

Рисунок А. Е. Бейдеманна, 1860-е гг.
Русский музей, Ленинград

б) почты и телеграфы;

с) груз, сплав и движение товаров.

2. Выпуск денег и кредитные учреждения.

3. Междуволостные коммиссионерные торговые конторы.

4. Иностраннные коммиссионерные торговые конторы.

5. Общий бюджет конфедерации и налог.

Бюджет, как и все действия центральной власти, должен быть предложен заранее** гласно и решен центральной властью, по соображении со всеми волостными возражениями.

Налог двоякий: 1) постоянный — на содержание*** власти: 2) переменный — на общеконфедеративные предприятия.

Форма центральной власти: комитет. Волость выбирает по одному кандидату, которые, собравшись, выбирают между собой министров для каждого**** вышесказанного***** вопроса, а эти министры выбирают из

* Перед словом Вопросы стоит крест (карандашом).

** Далее зачеркнуто: публично

*** На полях крест карандашом.

**** Далее зачеркнуто: каждой отрасли

***** Далее зачеркнуто: управления

своей среды своего президента. Затем кандидаты разъезжаются и оставляют комитет министров с президентом действовать.

Без сомнения, такое центральное правительство должно быть срочное, во всех действиях гласное и ответственное, так, что по истечении срока власти члены правительства за неправильное действие могут быть судимы уголовно назначенными от волостей присяжными, если хотя одна волость того потребует.

Центральная власть имеет своих агентов по союзам.

Конфедерация такого обширного народонаселения, естественно, по вопросам, относящимся до центральной власти, группируется географически в известные союзы, в которых центральная власть имеет своих агентов-представителей.

Предположительно Россия, при настоящих границах, могла бы группироваться * по двум принципам: по ** принципу породы и по принципу промыслов, — в следующие союзы:

1. Среднерусский.
2. Прибалтийский.
3. Польско-литовский.
4. Беломорский.
5. Волжский.
6. Украинский ***.
7. Новороссийский или Черноморский.
8. Урало-сибирский и
9. Амурский.

Ни центральная власть, ни ее агентства по союзам не могут выходить из пределов своих вопросов; исполнительная полиция и судопроизводство во всех делах остаются местными, волостными. При вмешательстве центральной власти не в свои вопросы волость отказывает ей в содействии.

Налог определяется центральной властью вследствие бюджета, но распределяется и взимается волостным порядком независимо от центральной власти.

Два вопроса, которых я не в силах поставить даже как идеалы: вопрос народного образования, т. е. пропаганды научной, и вопрос войска против чужеземных врагов, вопрос грустный, но, может быть, еще необходимый — куда их отнести: к центральной власти, или к общинно-волостному самоуправлению? Не знаю.

От идеалов перейдем к настоящему положению.

Н а с т о я щ е е п о л о ж е н и е

Правительство — центрально-военно-бюрократическое; следственно, оно захватывает административно-полицейскую, судебную и законодательную власти с большей рьяностью, чем все те вопросы, которые мы отнесли к центральной конфедеративной власти ****. Последние она представляет на разграбление частным лицам.

Оно — жандарм, а не регулятор движения общественного богатства.

При таком порядке вещей самоуправление общинно-волостное невозможно; оно только начинает прорываться вследствие своей внутренней необходимости, своего исторического тяготения и неминуемо войдет в оппозицию.

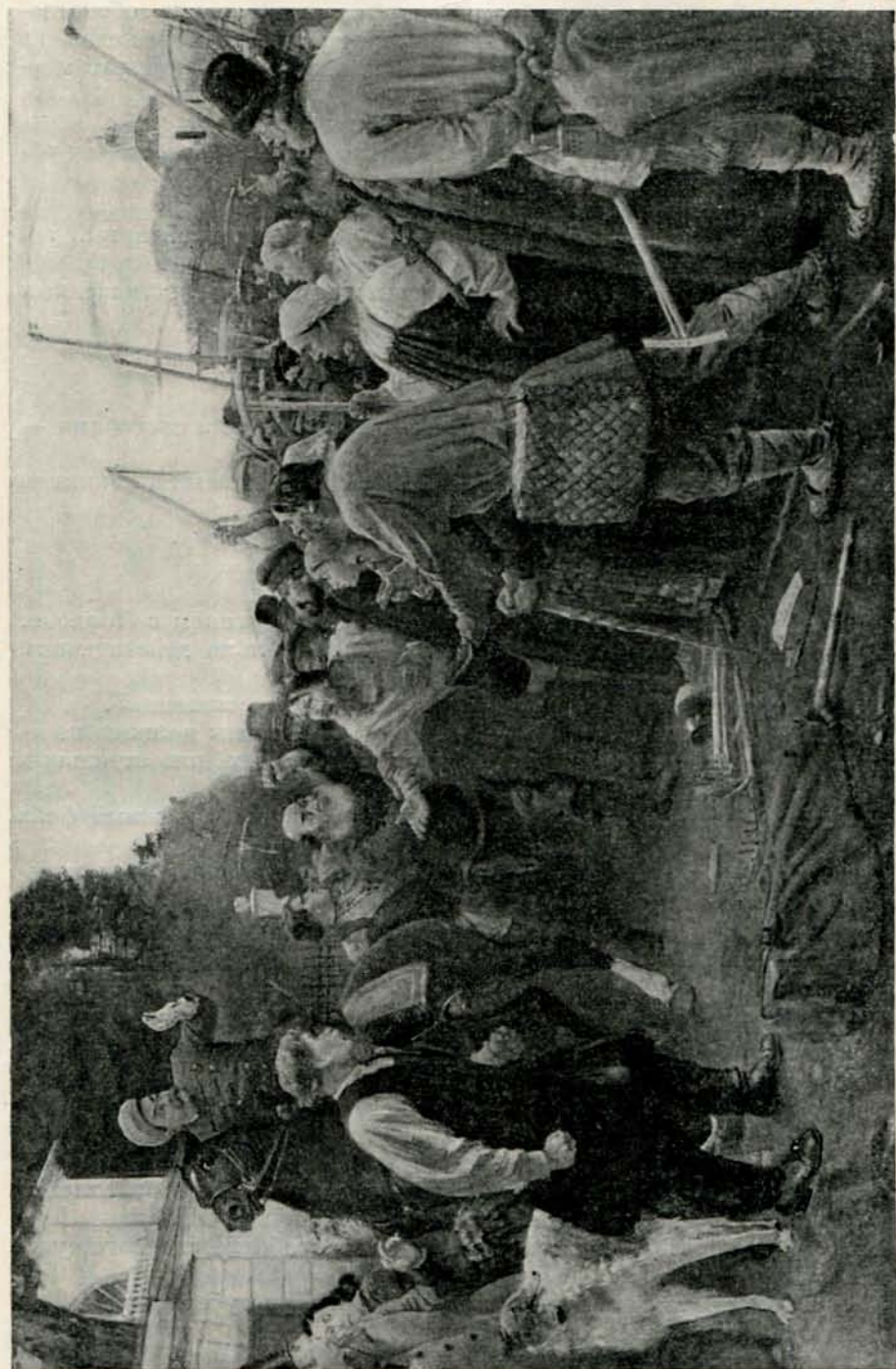
Поставивши таким образом идеалы в противоположность настоящему положению, — цель общества уясняется.

* Далее зачеркнуто: в следующие союзы

** Далее зачеркнуто: национ...

*** Перед словом Украинский зачеркнуто: Малоро... После слова Украинский зачеркнуто: или Черноморский.

**** Далее зачеркнуто: Эти вопросы

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В 1861 ГОДУ

Картина маслом С. В. Герасимова, 1951 г.

Исторический музей, Москва

Ц е л ь о б щ е с т в а

Своим влиянием постепенно расширять самоуправление общинно-волостное, сводить правительство с административно-судебной колеи на вопросы, нами к центральной власти отнесенные, и в общественном мнении распространять идею конфедерации.

Для этого пути сводятся на следующие вопросы:

1. Общинное освобождение крепостных и казенных крестьян как общинных землевладельцев.
2. Гласность судопроизводства и книгопечатания *.
3. Реформа бюрократии в самоуправление, т. е. ее элементарный вопрос: реформа чиновничества.
4. Замена губернских ** властей агентствами в предположенных нами союзах ***.

М е т о д ы **** о б щ е с т в а

Без сомнения:

1. Личное влияние членов на общественное мнение всеми способами — и изустным и печатным.
2. Деятельно-служебное — замещением мест своими членами и влиянием на правительственные распоряжения.
3. Литературное.

О р г а н и з а ц и я о б щ е с т в а

1. Центр в России в постоянной связи с главным органом в Лондоне.
2. Центр должен состоять из совершенно сознательно действующих и распоряжающихся апостолов.
3. Около апостолов группируются ученики, полупосвященные.
4. Чем далее от центра к периферии, тем более члены должны переходить в бессознательных агентов ***** , употребляемых для отдельных целей.
5. Общество составляет из пожертвований и трудов денежный фонд для своих действий.
6. Между центром в России и центром в Лондоне должны быть путешествующие корреспонденты и свои почты.
7. Апостолы могут каждый составлять свой географический центр.
8. Агенты общества должны быть:
 - а) служащие
 - б) пишущие и
 - в) народные.
9. Между апостолами должны быть свои путешествующие корреспонденты и свои почты.

П е р в о н а ч а л ь н ы е т р у д ы о б щ е с т в а !

1. Литературное уяснение вопроса самоуправления общины и отношений мира к лицу, иначе: отношения социологии к личной свободе.
2. Критика настоящего судопроизводства и разработка гласного судопроизводства.
3. Критика современной администрации, общей и губернской.
4. Критика свода законов.
5. Критика финансовой системы.

* Далее зачеркнуто: 3. Свобода составлять общества.

** Далее зачеркнуто: агент(ов)

*** На полях против пункта № 4 стоит вертикальная черта карандашом.

**** Слово Методы стоит над зачеркнутым Средства

***** Вначале было: бессознательные агентства

6. Критика современной * системы налогов и способа их взимания.

7. Критика сословий в России.

8. Критика торговых прав в России.

9. ** Чтение всех губернских ведомостей с целью преследовать судебные решения, правительственные распоряжения и распоряжения местных полицейских властей. Для этого общество, заподозрив что-либо из губернских ведомостей, преследует дело посредством местных связей и странствующих агентов и печатает в Лондоне.

10. Распространение здравых понятий, научных, теоретических, и популяризация их во всех прикладных вещах. Для этого издание книг

КАРИКАТУРА ПЕРИОДА ПОДГОТОВКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Так изображали помещики-крепостники последствия предстоящей реформы

Рисунок А. Корсакова, 1858 г.

Исторический музей, Москва

равно в Лондоне и в России, и странствующие агенты-преподаватели (так как публичные лекции входят в моду, их можно распространить даже по селам).

11. Систематическая передача в Лондон для напечатания всех действий правительственных по всем отделам, сведения о которых общество должно собирать посредством сознательных и бессознательных агентов, для чего оно должно иметь свои дипломатические связи. Сюда же относится и критика этих правительственных действий.

12. Сношения с Лондоном должны быть в руках общества по обоим направлениям: по европейскому и по Амуру-Американскому. Последний путь необходим, чтобы Сибирь имела постоянную рубрику в Лондонском органе.

В заключение скажу только, что общество, как мыслящий миноритет, обязано создать себе живые отношения с немym множеством, т. е.

* Далее зачеркнуто: теории

** Далее зачеркнуто: Центр

с крестьянами, потому что две главные цели всегда должны быть присущи каждому члену: самостоятельность села и конфедерация.

Общеславянская конфедерация теперь немыслима; она может уясниться только настоящей войной.

Еще одно: всегда, когда общество может, не подвергаясь опасности, то ли с дозволения правительства, учредить что-либо публично, оно должно пользоваться случаем, так, чтобы тайнственность действий была только крайнею необходимостью самосохранения, а где можно — действовать откровенно, но предпочитать пути откровенности и хвататься за них всегда, когда выпадает случай. Мистицизм конспиративный должен быть изгнан и сведен на предусмотрительную осторожность.

Разные апостольские центры должны быть устроены так, что если б один подпал под гонение правительства, это не могло бы вовлечь в опасность ни другие апостольские центры, ни главный центр.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 1—6 об.

2

Второй документ, начинающийся словами «Цель русского движения...», также представляет собою автограф Огарева. Рукопись написана чернилами на четырехстраничном согнутом листе хорошей белой бумаги довольно большого формата (20×25,3), причем текст расположен лишь с одной стороны листа, — оборот страниц оставлен чистым; таким образом в рукописи всего две заполненные текстом страницы. Вверху страницы написано синим карандашом заглавие: «Проект Огарева», но эта надпись сделана не рукою Огарева, а позднейшим владельцем архива, разбравшим документы. Полагаю, что ему же принадлежат две отметки коричневым карандашом — отчеркивания снизу вверх в двух местах этого же текста. Рукопись, в общем, производит впечатление беловика, однако кое-где содержит авторскую правку Огарева — вставки над строкой, зачеркивания, поправки слов. Они свидетельствуют о том, что в процессе написания текста авторская работа не прекращалась. Трудно сказать, являются ли последние строки концом рукописи — как ее содержание, так и внешний вид ее конца не дают для этого оснований: по крайней мере, нижнее поле последней страницы является нормальным полем переходного текста, а не каким-либо большим по площади.

Рукопись не датирована самим Огаревым, и бумага, на которой она написана, не содержит водяных знаков смыслового значения, которые помогли бы датировке (бумага покрыта лишь водяной сеткой эгутера того же типа, как и в предыдущем случае). Однако содержание рукописи дает очень важную примету для датировки — первым пунктом проектируемого переустройства России является требование уничтожения крепостного права — иначе говоря, рукопись явно относится ко времени до освобождения крестьян, то есть написана ранее 1861 г. Текст начинается с утверждения, что «всеобщее новое устройство России» будет состоять прежде всего в «немедленном уничтожении всякого крепостного права, помещичьего и казенного, на людей и землю». Такими словами Огарев не стал бы излагать свои требования после реформы 1861 г.

К какому же именно году до 1861-го относится рукопись? Сопоставляя ее с другими документами, речь о которых будет идти ниже, и с опубликованными в тт. 39-40 и 41-42 «Лит. наследства» (1941) огаревскими документами, сближающимися в некоторых отношениях с разбираемым архивным материалом, можно прийти к предположению о 1860 г., как о наиболее правдоподобной дате возникновения рукописи: отодвигать ее далее назад нет оснований. Рукопись, очевидно, написана *позже* предшествующей — за это говорит большая детализация предложений и более зрелый их характер, нежели в предшествовавшем документе, на что указано во введении.

Рукопись не имеет авторского заглавия. Примем условно первые ее слова в качестве рабочего заглавия.

〈ЦЕЛЬ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ〉

* Цель русского движения: созвать Земский собор из посланцев ото всех уездов, выбранных всем народом, без различия сословий, для всеобщего нового устройства России, которое состоит:

1) В немедленном уничтожении всякого крепостного права, помещичьего и казенного, на людей и землю.

2) В отдаче общинам (громадам, миру) земли, им принадлежащей — как есть межа, положив помещикам денежное вознаграждение из общих государственных доходов, без всякого особого взимания с крестьян чего-либо, сверх обычной подати, платимой всеми на пользу общую.

3) В уничтожении, затем, всякой сословной розни и введении равноправности.

4) В учреждении, заместо казенного чиновничества, бессословно выбранных и перед обществом ответственных людей для суда и управления сельского, городского и уездного.

5) В соединении уездов в области, самостоятельно управляемые своими выборными областными думами.

6) В соединении областей в один общий Союз (Федерацию), заведываемый ото всех областей выборною Земскою думой.

Всего этого без общего Земского собора учредить и постановить нельзя.

Если (или так как) государь не хочет созвать Земского собора, то неурядица неизбежно доведет до восстания.

Так как восстание неизбежно, то надо его устроить и направить в разумном порядке, отнюдь не кровопролитно и не разорительно **.

Такое восстание, идущее строем, можно только образовать в войсках.

Для этого надо*** составить офицерские общества для разъяснения солдатам цели и необходимости восстания.

Образование таких обществ должно быть преимущественно и усиленно вырабатываемо в войсках, стоящих на окраинах государства: на Кавказе с Доном и Черноморьем, на Урале с Приволжьем, в Польше с западными губерниями.

Образовавшись, общества должны принять начальство над войсками и вести их таким образом со всех концов на Москву и Петербург, всюду подымая народ на содействие и умножаясь прибылыми охотниками-ратниками, оставляя по дороге селы и города учреждать сами〈м〉 свой внутренний порядок, с упразднением казенного чиновничества и клича клич на общий Земский собор, который, если б император не захотел его, собрался бы помимо его воли и выбрал бы царя нового — если нужно — или составил бы при себе правительственный совет из людей, перед Земским собором ответственных.

Спротивление такому движению может быть только ничтожное.

Чтобы, пока идет образование восстания войск, офицерские общества разных местностей могли иметь между собою узел, сношения и заявлять свое дело гласно печатным словом, — надо каждому из них войти в постоянные сношения с нами, людьми, поставленными в Лондоне вне преследований казенной полиции ****.

Для успеха образования восстания нужно во всех войсковых центрах учредить денежные сборы из посыльных приношений каждого на общее дело, поручая кассы избранным офицерам.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 28, лл. 1—2.

* Над текстом написано синим карандашом: «Проект Огарева».

** Фраза подчеркнута на полях коричневым карандашом.

*** Далее зачеркнуто: в войсках

**** Две последние строки подчеркнуты на полях коричневым карандашом.

3

Третий документ публикуемой серии наиболее обширен и исключительно ценен по содержанию. Он является автографом Огарева с карандашными автографическими пометками Герцена. Рукопись написана чернилами и занимает 10 четырехстраничных (сдвоенных) больших листов почтовой бумаги, из которых последний заполнен лишь отчасти (содержит всего 6 строк рукописи). Это последнее обстоятельство дает известные основания предположить, что рукопись дошла до нас в цельном виде, в каком вышла из рук автора, и конец ее не утрачен. Текст расположен лишь на одной стороне листа — обороты оставлены незаполненными. Таким образом, рукопись занимает $18\frac{1}{4}$ больших рукописных страниц. Страницы Огаревым не пронумерованы и связаны лишь переходящими текстом и общностью листов.

Рукопись не датирована. Однако она включила в текст важные приметы времени, позволяющие ее довольно точно датировать. В тексте говорится о «сосланном в Нижний Павлове». Очевидно речь идет о профессоре Платоне Васильевиче *Павлове*, сосланном за речь в честь тысячелетия России, произнесенную 2 марта 1862 г. П. В. Павлов был арестован 6 марта и административно выслан в Поволжье, но не в Нижний, а в Ветлугу Костромской губернии. Сам он был уроженцем Нижнего, и, возможно, что это обстоятельство способствовало возникновению той неточной версии о месте ссылки, которая дошла до Лондона. Отсюда все же ясно, что документ возник после ссылки проф. Павлова, т. е. после 6 марта 1862 г. и не ранее середины марта, так как весть об аресте должна была какое-то время идти до Лондона (первый отклик «Колокола» на это событие появился в л. 126 от 22 марта, ср. XV, 99). Надо думать, что до Герцена и Огарева дошли, вероятно, лишь первые вести о ссылке Павлова, потому что последующие, многократно повторяясь, могли бы внести корректив в неточное представление о месте его ссылки. Таким образом, мы получаем определение срока, после которого возник данный документ.

Второй приметой времени является следующее обстоятельство: в документе изложена необходимость агитировать за всеобщую подачу адресов о созыве Земского собора — это первая цель движения; если же правительство откажет — должно «произвести восстание». Разъяснение этой первоначальной цели, или, как говорит Огарев, цели «ad hoc» сопровождается следующим указанием: «Общий адрес и адрес меньшинства должны быть распространены в народе и поданы до февраля 1863 года» (выделено мною.—М. Н.). Очевидно, столь сложная работа подготовки выступления, сопровождавшаяся распространением в народе готовых адресов и далее организацией самой подачи адресов, — должна была отнять немало времени. Поэтому данный документ никак не может относиться к 1863 г.: он возник до 1863 г.: задуманный план требовал значительного времени для выполнения. Мы получаем, таким образом, определение момента, *позже* которого документ не мог возникнуть, и приходим к выводу, что этот документ, вероятнее всего, возник между мартом и каким-то осенним месяцем 1862 г.

⟨ЗАГРАНИЧНЫЕ ОБЩЕСТВА⟩

Заграничные общества могут только давать общее направление печатной пропаганды и служить складочными связями для обществ, реально действующих в России.

Единое централизованное общество невозможно; возможно только общество федеративное. Это доказывается фактом: в разных местностях образовались кружки; это совершенно противоположно карбонаризму, который рос из центра и от этого составлял единое, централизованное общество. У нас даже 14 Декабря разделилось на Север и Юг — не потому что они не вовсе сходились в тенденциях, — они на чем-нибудь да помирились бы, — но просто по географической пространности, на которой уже образовавшиеся отдельные кружки могут сойтись, но где рост из одного центра несбыточен.

Я очень напирваю на это потому, что оно дает чрезвычайную важность местностям и определяет план кампании.

Всмотревшись в Россию, можно *предположить*, где какие (т. е. фразные, а не народные) кружки, вероятно, образовались и, следовательно, на те пункты направить поиски и стараться примкнуть и основать отдельные местные центры и их связь между собою.

Начнем с севера.

Наверно в Петербурге есть не один кружок, а несколько, и* состав их офицеро-студентский, военно-литературный. Столкновений, т. е. сближений с народом (кроме офицеров с солдатами), мало, и они очень мнимы, потому что у литературных людей есть свои коньки: поговорили с извозчиком — значит есть сближение с народом; между тем как его, в сущности, нет, потому что нет резких общих обеим сторонам *местных* интересов землевладения и общественного устройства **.

Далее *** нельзя не предположить центров во всех университетских городах, центров, очень рьяных и очень неопытных. Вот они:

Москва. Сближения с народом могло бы быть больше, чем в Петербурге, но местный интерес землевладения и общественного устройства много поглощен интересами большого города и не стоит на первом плане. Потом кружки уже не военные, а учено-литературные, и Москва представляет им большое удобство кабинетной жизни, где создаются теории или фантазируются движения, нейдущие дальше из-за стен студии; от этого в Москве самое сближение разных кружков туго, и они или слишком осторожны или фантазируют.

Казань. Чрезвычайно важный пункт, где университет резко противоположен дворянству, где местный интерес землевладения и общественного устройства сильно бродит в округе от Вятки до Урала, где встречается молодежь из юго-восточных приволжских губерний. Этот центр примыкает к крепкому расколу и к духовной Академии. В этом центре есть войско, но его настроение мне совершенно неизвестно. С университетом оно, кажется, не сближено.

Харьков. Университетский центр русской Малороссии и Войска Донского. Насколько в Малороссии пан может сойтись с мужиком, что**** даже потруднее, чем в Великороссии, и насколько молодежь из казаков может иметь влияние на донское казачество — это вопрос, который требует основательных сведений.

Одесса. Центр чрезвычайно важный как университетский центр Новороссии и доли Украины и как корреспонденция.

Киев. Один из наиболее объемистых университетских центров, где встречаются русские, малороссы, литовцы и поляки. Центр, необходимый для соединения и трудный по разрозненности национальностей. Важный центр по духовной Академии.

Дерпт — теперь малозначащий центр; для русских и поляков враждебный университет. Его лучше обойти *****.

Ярославский лицей мне мало известен, и как на университетский центр не знаю, насколько на него рассчитывать.

Итак, для деятельности литературно-народной, т. е. для сближения молодежи с народом, самые важные пункты остаются, располагая по степени важности: Петербург, Киев, Москва, Казань, Одесса и Харьков.

Кроме того, Петербург, Москва, Киев и Казань имеют важное значение по духовным академиям, имеющим несомненное влияние на семинарии

* Далее зачеркнуто: направление его необходимо

** Это место отмечено Герценом знаком X.

*** Далее зачеркнуто: идут университетские

**** Далее зачеркнуто: может

***** Далее зачеркнуто: Итак из универси...

и, следственно, охватывающие все духовенство, в настоящее время самое талантливое сословие.

Далее важное значение имеют военные центры. Приблизительное число войска следующее:

Гвардии и гренадер — 60 000 (гвардия — в Петерб^урге);
гренадеры — в Москве)

Армии — 180 000

Внутренней стражи — 50 000

На Кавказе — от 200<000> до 300 000

Всего регулярного войска 590 000, а в военное время при пополнении кадр — от 800 000 до 1 180 000 чел.

Генеральный штаб и Военная академия — 460 офицеров.

1-й корпус — в Вильно	} Лучшие корпуса по настроению
2 — в Варшаве	
3 — в Житомире	
5 — в Одессе	
4 — в Воронеже	} Худшие по настроению
6 — в Симбирске	

В Сибири и по Уралу 15 батальонов линейного войска; следственно артил<лерийских> орудий 25 (в мирное время), 50 (в военное).

В Оренбурге (4 полка) 12 батал<ьонов> (от 20 до 40 орудий).

В Финляндии — 12.

Генералов — 357, офицеров — 30 000 челов. Около половины надо считать на Кавказе. Следственно, на 6 корпусов придется * слишком 15 000 офицеров; следственно, на лучшие 4 корпуса 10 000** (считая штаб и обер) да и настроение офицеров и войска на Кавказе не может быть дурно.

Следственно, военные центры регулярного войска составляют, по важности:

Петербург
Варшава
Житомир
Кавказ
Одесса.

В Восточной России мудрено определить центр; два корпуса рассеяны; сегодня — в Нижнем, завтра — неизвестно где.

Оренбург составляет маленький центр для регулярного войска.

Финляндия вовсе не нужна.

На внутреннюю стражу вовсе нельзя рассчитывать; но пометить надо города с крепостями как ее центры, всегда снабженные орудиями и пороховым магазином. Их надо пересчитать; многие губернские города с крепостями (кремлем) и, сверх того, отдельные крепости (Бобруйск и т. п.) пограничные и непограничные.

Флот везде хорошо настроен.

Иррегулярное войско имеет центры противоположно регулярному. Там, где оно примкнуто к регулярному, оно или составляет полицейскую силу и входит в кадры и интересы внутренней стражи или вовсе не со-

* Далее зачеркнуто: около

** Стоит над зачеркнутой цифрой: 19 000

ставляет силы (кроме Кавказа, который сам по себе совпадающий центр регулярного и иррегулярного войска). Несовпадающие же центры — Оренбург с Уралом и Дон, Астрахань, Азов, Черноморье и Новороссия или крайний восток, юго-восток и юг России. Иррегулярного войска всего 308 400 человек. Половина на Кавказе; из остальной половины $\frac{1}{3}$ — на внутренней страже, $\frac{2}{3}$ — дома и составляют центры; следовательно, приблизительно: на Кавказе 150 000. Из остальных 150 000, отсчитав 50 000 на внутреннюю стражу, остается около 50 000 на юге и юго-востоке *, около 50 000 ** на востоке (считая не поселян, а только входящих в кадры войска) и, вероятно, до 300 орудий (по 150 в каждом центре, может и меньше). Цифры собрать мудрено, и они требуют проверки. Иррегулярное войско большею частью совпадает с расколом. Центры иррегулярных войск, естественно, противоположны регулярному, ибо правительству, рассчитывая на иррегулярное войско, посылает наименьшее число регулярного туда, где наибольшее число иррегулярного. Важное значение для нас оно имеет там, где оно дома, где оно самостоятельная сила и центр; а там, где оно примкнуто к внутренней страже ***, оно дает шансы противу нас, ибо каждый казак становится грабщим чиновником. Различия между нижними чинами и офицерами по образованию нет; по местным интересам есть оппозиция та же, что у народа с чиновниками; стало, всего менее рассчитывать можно на офицеров, опять совершенно противоположно регулярному войску.

Далее — классификация городов, помимо центров университетских и военных, не существует для образованного меньшинства, и приходится классифицировать только помещичество. Меньшинство его всегда будет зависеть от университетских центров; большинство распределится на оброчников и барщеников, а последние — на крупных и мелкопоместных. Так как эта классификация повсюдная, то центров, помимо университетских, для меньшинства мы не найдем ****, кроме центров, ярко обозначенных народностей; следовательно, сверх университетских центров могут встретиться центры в западных***** губерниях.

Далее идет классификация собственно народа. Тут в глаза бросаются три основания классификации:

Народность (Польша, Литва, Малороссия).

Раскол (я вскоре разработаю классификацию раскола) и торговые подвижные центры — ярмарки, и неподвижные центры — приречных больших городов и сел.

Кроме того, два большие отдела губерний помещичьих и губерний, где помещиков мало или вовсе нет. Так, Север по прямой черте от Олонецкой губернии до Екатеринбурга, и Восток — от Екатеринбурга до Астрахани составляет беспомещичью, народную, раскольничью полосу.

***** Какое бы ни было основание классификации, но народ всюду группируется по ярмаркам, подразделенным на бесконечное число базаров, которые для него составляют место стачки, митингов, вечей.

* Далее зачеркнуто: а. Урале б. Востоке

** 50 000 исправлено из 40 000

*** Слова: внутренней страже — написаны над зачеркнутыми словами: регулярному (кроме Кавказа)

**** Далее зачеркнуто: каких бы ни было иных

***** Далее зачеркнуто: и малороссийских

***** До слова Какое в тексте идет несколько зачеркнутых, исправленных и вновь зачеркнутых фраз (в прямых скобках дается второй слой): Стало, центры [отделы] по народностям требуют трех резиденций [в Литве] составляют необходимость [указывают на естественность] центров меньшинства [отделов народных] в Польше, Литве, Малороссии и на естественность тех отделов народных. [Далее центры] Далее отделы народа распадаются по расколам [по цен].

Проследим группировку по ярмаркам и приречным торговым городам. (Я не говорю о повсюдных годовых местных ярмарках в каждом городе, а только о больших, собирающих народ со всех краев.)

На севере существует только одна замечательная ярмарка — Весе-гонская. Стало, на севере рассчитывать на большие временные центры нельзя, а только на постоянные центры.

Кроме обычных портовых городов, как Архангельск, Петербург и Рига, один из главных притоков народа — Рыбинск. Рыбинск отделяет к северу Русь помещичью и начинает Русь помещичью Ярославско-Костромского округа и * собирает временно всю приволжскую Русь.

Ярмарочный центр крайнего востока — Ирбит, южнее — Менселинск, следственно — Пермская и Оренбургская губернии. Главные ярмарочные центры низовых городов — Нижний-Новгород и Симбирск. Главные постоянные центры на соединении Волги и Дона, т. е. на границе Саратовской губернии и земл(и) войска Донского.

Далее ярмарки в земле войска Донского.

К западу пойдут малороссийские ярмарки — Коренная в Курске, Харьковская (3 раза в год), Роменская (в Полтавской губернии 3 раза в год), Кролевецкая (Черниговской) губернии), Ростовская и Екатеринославская, Таганрогская.

Литва и Белоруссия, т. е. западные губернии, имеют только одну Сельвимскую ярмарку.

Киев, конечно, самый большой народный, торговый и всяческий центр для Западной Украины, и Украина составляет только округ Киевский.

Центральная Россия, забегающая в Ярославскую губернию Ростовской ярмаркой, все же составляет только округ Московский.

Этот беглый обзор приводит к следующему заключению: центры общества должны основываться легко в местностях, где совпадают все три интереса — университетский (т. е. меньшинство образованного сословия), военный и народный; менее легко, но все же не слишком затруднительно — в центрах, где совпадают только два интереса — военный и народный или меньшинства и народный; центры с трудом, но должны быть основаны в местностях, где один только народный интерес при отсутствии войска и университетского меньшинства.

По этому распределим:

Первый разряд:

Петербург, Киев, Одесса **.

Второй разряд:

а) военно-народный: Кавказ и Астрахань, Дон и Азов, Урал и Заволжье.

б) Меньшинство-народный: Казань, Москва, Харьков, Рыбинск, Нижний, Курск, Екатеринославль.

Третий разряд:

Народный без войска и меньшинства: север беломорский и остзейские губернии. В русском отношении Беломорье и Балтика имеют общий интерес раскола.

В первом разряде нам остается только встретиться с людьми и оставить в каждом одного с нами соединенного.

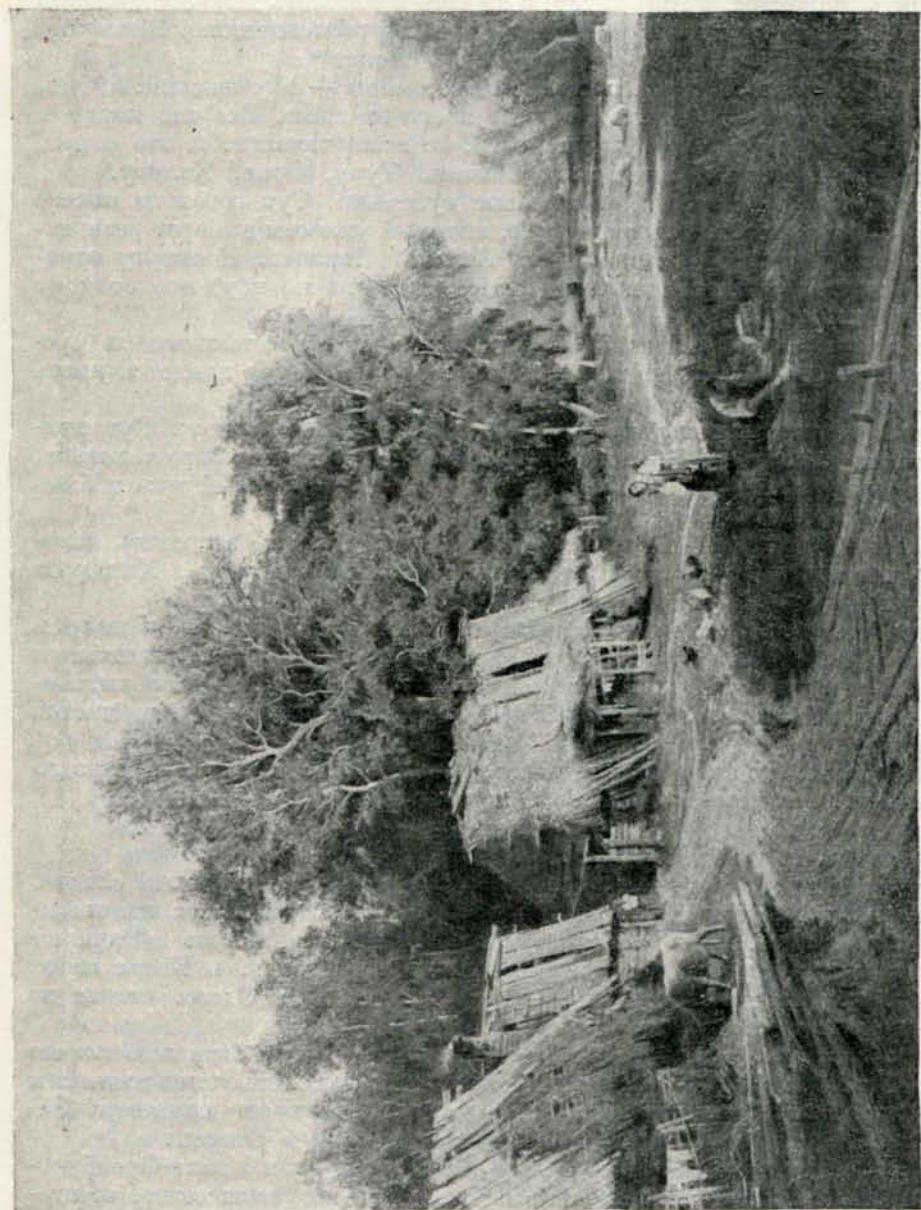
Во втором разряде мы должны пользоваться встречей, где она возможна, а там, где она маловероятна, иметь нарочного агента.

Начинаю с союза меньшинства с народом.

На линии от Петербурга до Москвы мы встретим готовых людей в Твери и потому должны воспользоваться, чтоб из них основать Тверско-

* Далее зачеркнуто: соединяет

** На полях написано карандашом рукой Герцена: (Я полагаю, что в Москве все ж можно с тою же легкостью составить ц(ентр), как в Киеве и Одессе).

ДЕРЕВНЯ

Картина маслом Ф. А. Васильева, 1860 г.

Русский музей, Ленинград

Ярославско-Костромской округ, который бы работал пропагандой для сближения меньшинства с народом, где для него удобный центр — Рыбинск. Тут местные интересы землевладения и выборного начала дают сильную основу для пропаганды по трем адресам. Тут надо рационально примкнуть (положим, к Европеусу) и на него возложить дело составления союза для целого округа и устроить с ним корреспонденцию. Вероятно, к этому округу присоединится Новгород и Псков *.

Второй округ пропаганды по всем трем адресам — Московский. Я чую, что тут можно встретить человека, но я его не знаю. Все те, которых я знаю, представляют много преданности, но мало таланта. А это округ, охватывающий Москву, Владимир, Рязань, Тулу, Орел, Калугу.

Третий округ — Нижний и низовые губернии. Тут готового ничего не встретишь, и надо иметь нарочного, который уже сам выберет резиденцию. Можно подумать о сосланном в Нижний Павлове. К округу относятся: Нижний, Самара, Симбирск, Пенза, Саратов по т<у> его сторону Волги и Тамбов.

Четвертый округ, переходный по смеси малороссийского и русского интереса, — это округ Курско-Воронежский. И тут придется иметь нарочного.

Пятый округ тоже переходного интереса — это Смоленск. Тут придется иметь нарочного. Конечно, всегда лучше найти местного человека, и тогда его оставить для составления центра, а нарочный может быть употреблен в другом месте **.

Шестой *** округ — Харьков, где, вероятно, легко встретить человека и готовые кружки. Едва ли Екатеринославль требует от Харькова отдельного центрального агента.

Эти шесть округов не могут действовать иначе как пропагандой по трем адресам и сгубировать**** восстание, идущее от периферии, примыкая к нему в свое время. Они на восстание самостоятельно не способны. Поэтому они для центральных людей требуют талантливых пропагандистов штатских.

Чем ближе к перифериям, тем больше пропаганда соединяется с военными и военно-народными центрами.

Начнем с запада:

*Варшава ******, Киев, Одесса.

Во всех трех пунктах легко сыщется агент, корреспондирующий с нами, к этим трем пунктам примкнет Литовский и Белорусский округ, где также легко иметь агента. Очевидно, что тут мы везде должны иметь в Варшаве и Литве по одному русскому военному корреспонденту, в Киеве сверх военного еще агента национально-малороссийского; в Одессе агента из 5<го> корпуса и агента гражданского.

Кавказ требует агента военного. Астрахань, Дон и Азов *зависят от Кавказа*, как я покажу ниже, хотя Дон и должен находиться под влиянием харьковской пропаганды, Астрахань — под совокупным влиянием Заволжья и Понизовья *****, а Азов — под влиянием Одессы.

Заволжье делится, естественно, на два округа — на Урало-Оренбургский и Урало-Казанский; в первый входит уральское казачество, во второй — Пермь и горные заводы. В первом надо создать одного агента — в Оренбурге; во втором — двух: одного — в Екатеринбурге, другого —

* Далее зачеркнуто: или иметь отдельно корреспондента

** Далее зачеркнуто: В Литве. Шестой округ — Литва.

*** Написано по слову Седьмой

**** Буквально: переносить, испытывать на себе воздействие (франц. *subir*).

***** Далее зачеркнуто: Житомир

***** Далее зачеркнуто: Саратовск

в Казани. Оренбургский и екатеринбургский агенты должны быть преимущественно военные, чтобы в случае нужды уметь распорядиться военными действиями.

Если восстание совершится только в Варшаве и Киеве, оно пойдет в междоусобие — польскую войну; для того, чтоб оно было народным освобождением, оно должно идти от всей периферии, т. е. чтоб одновременно с Варшавой и Киевом — тронулся Кавказ во внутрь России, захватывая с собой Астрахань, Дон и Черноморье, и тронулся бы Оренбургский Урал — на Нижний и Пермский Урал — на Казань. Между этими тремя крыльями, увлекающими народные массы, 4-й и 6-й корпус, расположенные в понизовье, или не станут драться или окажут пустое сопротивление. А четвертое крыло пойдет с запада.

При таком восстании едва ли возможно большое кровопролитие. Это скорее мирно-завоевательный поход.

Север не может самостоятельно восстать; он может помогать или сгубировать. Он требует двух агентов: в Петрозаводске (Рыбников) и Архангельске. О значении их и о значении Риги, где тоже нужен агент, скажу после.

Теперь перечтем же округа, т. е. число нужных для нас агентов: *Петербург, Тверь, Москва, Нижний, Курск, Смоленск, Харьков, Одесса, Киев, Варшава, Литва, Кавказ, Оренбург, Казань, Архангельск, Рига.* Всего 16 человек, которые должны быть друг с другом в постоянных сношениях и в постоянных сношениях с тремя пунктами за границей: Берлин, Гейдельберг и Лондон. Берлин необходим как пункт, близкий к границе и удобно сносящийся и с Гейдельбергом и с Лондоном.

16 человек в России обязаны каждый в своем * округе организовать общество, т. е. целую сеть агентов. Известия между центральными агентами должны передаваться *словесно*, посылкою ** членов общества, так, чтоб организовались свои почты из конца в конец России и за границу. Письменность, по возможности, исключена. Мы имеем сношение с 16 членами в Империи, на которых лежит устройство деталей. Округи сносятся только в лице центральных агентов, не замешивая бесконечного числа имен и лиц.

Вот, мне кажется, самый естественный строй общества.

Теперь цель: цель — привести правительство к созванию Земского собрания, на основаниях трех адресов (общего — формального, адреса от меньшинства и адресов от народа), то есть на основаниях, что земли — земское достояние, что управление выборное и что области распределяются по собственному желанию на самостоятельные отделы федерации. Далее цель — если правительство в Земском собрании откажет, то на тех же основаниях произвести восстание со всех периферий разом ***.

Общее средство — пропаганда всех трех адресов и значения отказа правительства созвать Земский собор: царь, отказывающий в Земском собрании, не есть земский царь.

Пропаганда, без сомнения, имеет больший объем, чем только подача адресов. Есть пропаганда общечеловеческого образования, которая должна быть всегда и всегда помогает и в каждом данном случае; но я, собственно, говорю о пропаганде *ad hoc*****. Общая пропаганда, действующая посредством школ, низших и высших, должна идти своим путем и

* Далее зачеркнуто: центре

** Далее зачеркнуто: Сношения

*** Против последних двух фраз написано карандашом рукой Герцена: Но правительство может, не отказывая и не принимая, взять *mezzo termine* (полумеры), уступить долю, что, вероятно, и будет.

**** для данного случая (лат.).

в настоящее время служить неумолимо для пропаганды *ad hoc*, т. е. для пропаганды адресов.

Но в перифериях к пропаганде первых трех пунктов должна присоединяться военная организация. Центральные военные люди, кроме проповеди и сближения с солдатами или казаками и крестьянами, должны иметь в виду * все предметы занятий начальников штаба, чтобы восстание могло идти стройно. Военные действия в средних и северных губерниях могут свестись только на выж<и>дание приближения сил от периферий для присоединения к ним; а для того, чтоб ничто этому не мешало, они должны быть во-время извещены от периферий о необходимой минуте для обезоружения народом внутренней стражи (если она не содействует). Больше им делать нечего в военном отношении. Самая важная доля действий лежит на центральных людях периферий. Стало, выборы на эти места талантливых военных людей — дело страшной важности. К Петербургскому, Одесскому, Кавказскому и Архангельскому округу должен принадлежать флот.

Дисциплина в военных центрах состроится, естественно; но и в средней полосе пропаганды меньшинства необходимо разделить местное общество на действительных членов, которые дают слово на безусловное повиновение центральному агенту, и на пособляющих, которые не ** должны ничего знать о действиях общества, а могут содействовать бессознательно, направляемые членом общества, на какое-нибудь отдельное дело. Центральный агент округа должен хлопотать о фонде; если удастся с раскольников начать сбор по 10 коп. с души, кроме пожертвований, то дело будет обеспечено.

Петербургский центр должен охватывать военную академию и, может, даст тала<н>тливых людей для других местностей. Если можно достичь, чтоб гвардия, выступавшая против периферии, не дралась <и> присоединилась — это *desideratum* ***.

Я не думаю, чтоб полякам можно было говорить о плане. Я мало верю в варшавское восстание, тем меньше, что вмешательство Мерославского везде было порукою за неуспех. Оно ограничится двумя сотнями жертв, и надо будет много хлопотать, чтоб впечатление жертвоприношения на русский народ было хорошее. Но, тем не менее, надо скорее организовать Кавказ и Урал, так, чтобы они помогли, если западное движение удастся, дать ему значение народного восстания, а не междоусобия. Если же не удастся, то Кавказ и Урал должны продолжать организацию так, чтоб через известное время новое западное движение вышло им в помощь.

Общий адрес и адрес меньшинства должны быть распространены в народе и поданы до февраля 1863 года, хотя бы было не больше 10 000 подписей. Распространение их зависит от заграничных и местных типографий и литографий. Число подписей и имена должны быть сообщаемы за границу, чтобы в Лондоне иметь к февралю итог и публиковать одновременно с подачею. Об адресах народных должно быть сообщено число сел подающих и их названия. Они вольно и невольно произведут стачки, и адреса от народа о Земском соборе должны идти из всех местностей, как бы различно они ни были написаны. Раскольники, у которых царствует действительная дисциплина, первые подадут пример — у них адреса пойдут, если их святые прикажут подавать их. Тут надо действовать на раскольничьи центры.

Кроме проповеди, пропаганда должна действовать общностью местных интересов в их столкновениях с властями и равно пользоваться хорошим

* Далее зачеркнуто: все потребности и круг действий

** Далее зачеркнуто: обязаны

*** желаемое (лат.).

распоряжением начальства, как шагом к дальнейшему запросу и дурным распоряжением, как требующим отмены на Земском соборе.

4-й пункт пропаганды — распространение потребности самостоятельного областного устройства.

Программу деталей пропаганды невозможно создать; регламентация нигде не удастся. От этого я и требую, чтоб все 16 центральных человек были люди талантливые и умели бы определенно распоряжаться второстепенными деятелями. Неужто мы не найдем 16-ти, которые бы умели организовать округ?

Пропаганда по трем пунктам, необходимая всюду, составляет единственное средство для центральной и северной России. В северной она ограничивается одним народным адресом. Рига, как раскольниковый притон, также может действовать только на народ и в оппозицию немецкому помещичеству.

Устройство школ, — где, как, какое возможно, должно быть руководимо центральными людьми округов, постоянно возбуждая в школах вопросы землевладения, самоуправления и Земского собора. Школы для детей и распространения грамотности в руках пропагандиста должны обращаться в проповедь, исключительно направленную на три первые пункта (называю их так в противоположность знаменитым первым двум пунктам уложения о наказаниях). Специальные лекции техники и сельского хозяйства, легко допускаемые, могут всегда служить основой для проповеди о первых трех пунктах *. Проповедь нужна для высших сословий и молодежи не меньше, чем для народа. Для народа надо организовать проповедников из крестьян. Центральный человек легче найдет нескольких из крестьян, которые убедятся и пойдут проповедовать, чем если б меньшинство стало проповедовать массе, которая ему не поверит.

Пропаганда должна образовать три разряда проповедников: 1) крестьян из раскольников, которых следует убедить, как тесно связан вопрос о свободе вероисповедания с вопросом о первых трех пунктах; 2) семинаристов, которые легче сблизятся с крестьянами, чем дворяне, и там, где дворянин не успеет, они образуют разряд; 3) крестьян из православных, проповедующих первые три пункта. Эти проповедники должны быть направляемы, по естественной классификации округа, по базарам.

Если царь примет Земский собор, то восстание приостанавливается, но организация, в особенности военная и вся организация общества, продолжают, чтобы быть всегда наготове.

Центральные члены обязуются *под пыткой*** не называть друг друга.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 7—25а. На обороте л. 25а полустертая карандашная запись рукой Герцена:

Унив<ерситеты>, семина<рии> и военн<ые> учил<ища> в организ<ации>.

Общество только в сарасити*** и может быть.

Единство все же необходимо — и по существующему будет там, где вольны<е> орган<изации>.

Какими средств<ами> З<емля> и В<оля> должна действовать. Что проповедовать? Чему научила послед<няя> Польская революци<я>.

Склады и сбыт книг.

Тут советы готовому обществу ****.

* Напротив последних двух фраз написано карандашом рукой Герцена: Зачем?

** Слова под пыткой подчеркнуты карандашом и над ними поставлен карандашом же знак вопроса (очевидно Герценом).

*** в объеме, в размере (англ.).

**** Начало записи читается предположительно. Возможно, что Унив., семинар. и воен. учил. является вставкой, а слова в организ<ации> начинают следующую фразу. В этом случае получается чтение: Общество только в сарасити унив<ерсе>

Четвертым документом того же комплекса является список офицеров — членов революционной организации «Земля и Воля», точнее повидимому, список Комитета русских офицеров в Польше — филиальной организации «Земли и Воли», работавшей в русской армии во время польского восстания 1863 года.

Список находится в записной книжке Огарева (формат 18,3 × 12,5), переплетенной в черную кожу, натянутую по твердой основе; книжка запирается медным прочным плоским замком, крепления которого вделаны в крышку переплета, причем скважина замка находится посредине смежной плоскости, смыкающей обе крышки. Замок этот заперт и доселе — надо думать, что ключ в нем последний раз повернут рукою Огарева.

Позднейший владелец не смог открыть замок, и, чтобы проникнуть внутрь книжки, ему пришлось прорезать каким-то острым орудием самую кожу и твердую основу переплета, и тогда запертый замок отпал вбок на нижнем шарнире, с вырезанным кусочком переплета, — и книжка раскрылась. В книжке содержится вторая часть «Моей исповеди» Огарева, ряд его стихотворений (эти материалы также публикуются в настоящем томе) и далее в середине книжки одна из страниц обложена узкой согнутой полоской бумаги, очевидно для того, чтобы сразу найти ее наощупь и раскрыть, не перелистывая книги. За нею следуют листы книжки с конспиративными текстами, — тут и находится публикуемый документ. На листе 69 находится список районов — очевидно, проект районирования революционных организаций, — на листах 69 об., 70 и 70 об. — инструкция о порядке транспортировки прокламаций и других изданий «Земли и Воли» в Россию. Оба текста датируются февралем 1863 г. (см. их публикацию ниже в настоящем томе «Лит. наследства»). Далее, на листах 72—73 об. следует список офицеров. Таким образом, по своему местоположению в записной книжке список должен быть отнесен ко времени не ранее февраля 1863 г. Эта дата подтверждается и уточняется рассмотрением содержания списка.

В конце списка перед рядом фамилий (Кутузов, Новицкий, Огородников, Данилович, Зейн 1-й) стоит заголовок: «Исключены из службы за панихиду», причем три последние фамилии окружены фигурной скобкой и сопровождаются общей ремаркой: «Теперь в Модлине, долж(ны) быть скоро выпущены». Эти приметы ведут к несомненному выводу, что речь идет о панихиде по расстрелянным Аригольде, Сливичком и других членах той же пропагандистской группы, которая вела широкую агитацию и распространяла герценовские издания. После расстрела подсудимых, товарищи их, оставшиеся на свободе, — Павел Иванович Огородников, Зейн 1-й и Горский-Данилович отслужили по расстрелянным демонстративную панихиду — 24 июня 1862 г. — и были заключены в тюрьму в крепости Модлине на срок от 1 года до 9 месяцев. Наиболее короткий срок заключения (9 мес.) истекал в апреле 1863 г. Можно предположить, что составитель списка судил о близости конца срока по приговору, объявленному 14 июля 1862 г. в приказе.

Поскольку срок заключения упомянутых лиц по точному смыслу ремарки еще не истек, но они «должны быть скоро выпущены», можно заключить, что список относится к какому-то времени не ранее февраля 1863 г., когда были сделаны предшествующие записи в книжке Огарева, и не позже апреля 1863 г., когда истекали первые сроки заключения за панихиду.

Список написан не рукою Огарева, а очевидно кем-то из осведомленных членов военной революционной организации, посетивших Лондон и занесших по просьбе Огарева конспиративнейший список в его записную книжку. Вероятнее всего список написан рукою А. А. Потебни. Он приезжал к Герцену и Огареву (вторично) весной 1863 г. и пробыл в Лондоне с середины февраля по 22 февраля, когда уехал в Варшаву.

итетов), семинар(ий) и военн(ых) учил(иш) и может быть. В орган(изаци)и единство все же необходимо — и по существу(?) будет там, где вольны(е) орган(изации) <...>.

4. Потоп. Дубы.

Виноградный садик. Мест. — Копеев
Мурман. Давыдов.

Овощи. Потоп. Давыдов. Мест. — Копеев
Мурман. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.
Мест. — Потоп. Давыдов.

СПИСОК ОФИЦЕРОВ — ЧЛЕНОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 1860-х гг.

Автограф неустановленного лица (А. А. Потопин?) в записной книжке Огарева

Листы 1 и 2

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

〈СПИСОК ОФИЦЕРОВ — ЧЛЕНОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ〉

4-я Пехотная дивизия:

- Белозерский пехотный полк: [Поручик] Штабс-капитан *Обухов*, поручик *Дмитриев*.
- Олонецкий пехотный полк: *Итинский* 1-й (командир Фурштатской роты), поручик *Будзилович*, адъютант 1-го батальона *Лойко*. От них же подробности [об] военной организации всей 4-й дивизии.
- Шлиссельбургский пехотный полк: Поручик *Дмоховский*, [Подпоручик] *Барановский*.
- Ладожский пехотный полк: *Гебасевич* (полковой квартирмейстер), поручик *Яковлев*, поручики *Бологов* и *Грон* (оба при юнкерской школе).

5-я Пехотная дивизия:

- Галицкий пехотный полк: Капитан *Доброговский* (бывший издатель Солдатской газеты). Штабс-капитан *Броневский*. От них подробности военной организации во всей 5-й дивизии.
- Архангелогородский полк: — ? *
- Костромской полк: *Жданович* (полковой инструктор),
- Вологодский полк: поручик *Даревский*.

6-я Пехотная дивизия:

- Муромский пехотный полк: Поручик *Наперетков* ** (командир 2-й стрелковой роты), поручик *Кригер* (при штабе 6-й пехотной дивизии). От них подробности организации в 6-й дивизии.
- Нижегородский пехотный полк: Капитан *Бируля* (полковой адъютант), поручик *Монастырский* (полковой библиотекарь и инструктор).
- Низовский пехотный полк: Поручики: *Дашкевич*, *Добровольский* 1-й и 2-й и *Цугаловский* (последний при юнкерской школе).
- Симбирский пехотный полк: Доктор *Арцишевский* при крепости Модлине, *Яганов*, полковой казначей, доктор *Вакульский*.

* Знак вопроса в подлиннике.

** Может быть прочтено и как Наперетков.

7-я Пехотная дивизия:

- Смоленский пехотный полк: Поручик *Крупский*, прапорщ^к(ик) *Полодьев*, штабс-кап^к(итан) *Тутакевич* (в крепости Ивангород).
- Могилевский п^к(олк): Капитан *Масальский*.
- Полоцкий ^к(полк): Поручики: *Олещенко*, *Монастырский*, *Попов*, подполковник *Донец-Хмельницкий*.
- Витебский ^к(полк): Майор *Пащенко*, *Грекович* (полковой инструктор), поруч^к(ик) *Раковский*.

2-я Пехотная дивизия:

- Ревельский полк: Штабс-капитан *Ган* (инструктор), прапорщик *Гавериллов 3-й*, поручик *Лагуна*.
 Через них велась пропаганда 2-й дивизии.
-
- 4-й стрелковый баталь^к(он): Поручик *Неевжин*.
- 5-й стрелковый батальон: Поручик *Савич*, доктор *Рикс (?)* *.
- 6-й стрелковый батальон: Поручик^к(и) *Тимофеев*, *Монастырск^к(ий)*.
- 7-й стрелковый — » — : Штабс-капитан *Рыж*, поруч^к(ик) *Бобянский*.
- 4^к(-й) артиллерийской бригады: Поручик *Маевский* (в Варшаве живет постоянно).
- 6 артиллер^к(ийской) бригад^к(ы): Штабс-капитан *Чиркин*.
 От него подробности организации артиллерии 2-го корпуса.
- 3-го саперного батальона: Поручик *Зеленов*.
 От него все саперы 2-го корпуса.

Переведены в Россию:

- Штабс-кап^к(итан) *Краснопевцев*, в Екатеринбургский п^к(олк), Тульской губ., гор. Венёв (остается м-да 2 в Варшаве).
- Жебровский*. Штабс-капит^к(ан), в Оренбург.
- Мрочек* } Поручики, в форт Перовский.
Зеремба }
- Михайлов*. Поручик 2-го резервного стрелкового баталь^к(на), в село Медведь Новгородской губер^к(нии).
- Аристов*. Поручик 6 резерв^к(ного) стрел^к(ового) бата^к(льона), в Н.-Новгород.
- Чертков* } поручики Тульского полка, в г. Усмани Пензенской губернии.
Сомов }
- Халютин* — поручик, в гор. Саратов.

* Знак вопроса (в скобках) — в подлиннике.

Исключены из службы за панихиду:

Штабс-капитан *Кутузов* } 6-го стрелкового полка, теперь в
— » — *Новицкий* } Москве.

Поручик *Огородников* }
— » — *Данилович* } теперь в Модлине, должны быть скоро вы-
— » — *Зейн 1-й* } пущены.

К. И. КРУПСКИЙ

Фотография, 1860-е гг.

Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК КПСС, Москва

Иерусалим, пароль.

Варшава — берлин. — Берлинский банкир <—> Цент<ральный> На-
родн<ый> К<омитет>. берлинская почта — Воен<ный> Ком<итет>.

Краков — гамбург.

Петербург — любек. — Любекский банкир — Р<еволюционный> Ц<ент-
ральный> К<омитет>.

Торн — брюссель.

Васильевский Остров, 9-я линия, дом Кене*, квартира генеральши Гейнс, спросить поручика Владимира Гейнса

или

подпоручика гвардии Егора Семеновича Загряжского.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 436. Записная книжка, лл. 72—73 об.

5

Обширная записка Огарева посвящена вопросам сношений русской революционной организации «Земля и Воля» с революционной организацией Финляндии. «Три вопроса», согласно перечню Огарева, он считает: 1) Учреждение склада и постоянных сношений. 2) Присоединение финского общества к русскому. 3) Литовское дело». Все три вопроса и подвергаются подробному разбору в записке Огарева. Записка имеет значение директивы, даваемой посылаемому в Швецию представителю «Земли и Воли», сыну Герцена, Александру Александровичу, именуемому в записке «Junior», то есть «младший».

Документ находится в той же записной книжке Огарева, что и предыдущая рукопись. Написан он рукою Огарева.

Документ может быть точно датирован. Он пишется во время передвижения какого-то корабля, идущего на помощь начавшемуся польскому восстанию 1863 г. Судьба корабля волнует Огарева. Корабль этот еще не доехал до Литвы («если корабль доедет до Литвы...»). В пути произошла нежелательная задержка корабля («Я считаю большим несчастьем задержку корабля, ибо Д<ементович> и Б<акунин>, более чем кто другой, могли повернуть вопрос национальный на вопрос крестьянский»). Сомнений быть не может — речь идет об известной «экспедиции Лалинского», отплывшей весной 1863 г. из Англии на корабле «Ward Jackson» на помощь восставшей Польше с оружием и добровольцами, желавшими принять участие в восстании. Задержек корабля в пути было две: 26 и 28 марта 1863 г.; 26 марта его задержала буря, а 28 его задержала в Копенгагене замена капитана и всей английской команды, узнавших о революционной цели экспедиции и покинувших корабль (команду заменили датской). О первой или второй задержке говорит Огарев — или об обеих вместе — это в данном случае не имеет существенного значения: ясно, что рукопись «Три вопроса» написана или в самые последние дни марта, или в начале апреля 1863 г.; последняя датировка предпочтительнее, так как ближе к дате письма Герцена к Огареву от 29 апреля, где упоминается этот документ.

〈ТРИ ВОПРОСА...〉

Три вопроса:

- 1) Учреждение склада и постоянных сношений.
- 2) Присоединение финского общества к русскому.
- 3) Литовское дело.

По первому вопросу.

Договор с книгопродавцами; склад в Або или где финны сочтут нужным (1)**. Учреждение типографии в Стокгольме и покровительство Шведского правительства (2)***. Учреждение своих почт, т. е. людей, через

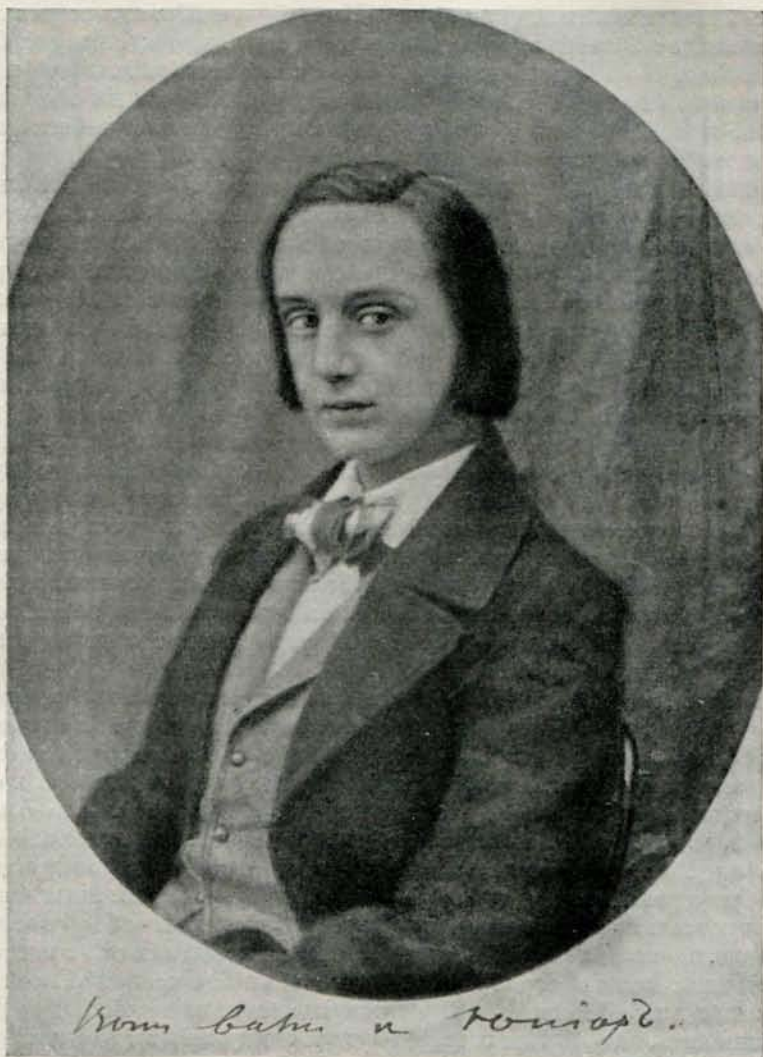
* Не совсем разборчиво; может быть прочтено и как Коне.

** (1) Уступка в наших изданиях 50% без провоза или 40 с провозом, считая 10% за провоз. Наше посредство для переговоров с Трюбнером об уступках с его изданий. Обеспечение нам посылок пропагандных листов и тетрадок книгопродавческим путем до Стокгольма, для передачи финнам, которые уже доставят их по назначению. — *Примеч. Огарева.*

*** (2) Типографию устроим мы в продолжение двух, трех месяцев; она может печатать русские издания по договорам с стокгольмскими книгопродавцами свободно от нас и по нашему поручению. Она устранит посылку пропагандных листов и тетрадок

которых можно пересылать и получать сведения из Петербурга. Учреждение телеграфических депешей через Стокгольм (3)*.

Так как для сбыта изданий, для почты-телеграфов нужны люди в Петербурге, то финну, отправляющемуся туда, дано будет письмо, и он должен условиться с обществом (4)**.

А. А. ГЕРЦЕН (СЫН)

Фотография с надписью Герцена: «Вот вам и Юниор». 1850-е гг.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

из Англии, потому что [может] обязана печатать [по оригиналам] рукописи, присылаемые из Лондона и из русского общества, и вместе с тем заменит тайные станки для России. Тогда останется только финнам пересылать в Россию. Необходимость покровительства шведского правительства очевидна.—Примеч. Огарева.

* (3) Для телеграфических сообщений нужно сочинить условный язык и иметь в руках стокгольмского банкира и, если можно, его корреспондента в Финляндии и Петербурге.—Примеч. Огарева.

** (4) Письмо наше к обществу непременно должно быть передано аккуратно.—Примеч. Огарева.

Прежде чем говорить о деталях условий, скажу несколько слов о возможных отношениях Финляндии к русскому делу. Из письма Б<акунина> очевидно, что финны хотят отделиться и присоединиться к Швеции, или остаться самобытными, или даже остаться в федерации с вольной Россией, но на правах самобытного управления. С нашей стороны всего более разумнее желать им отдельного существования, не в федерации, а в союзе с Россией и Швецией. С падением Петербурга Швеция не может быть врагом, и мы, естественно, можем стремиться только к союзу с Скандинавией вообще. Но это дело дальнее. Теперь же надо знать, что предпринимают финны, какие у них силы, какое настроение, что им обещает Швеция и чем, кроме сношений для пропа<га>нды, они могут быть полезны для нас и мы для них.

Мы для них можем быть полезны заявлением их требований в «Колоколе», ознакомлением России с их требованиями; общество З<емля> и В<оля> может быть полезно поднятием финского вопроса постоянными разговорами и даже намеками в петербургской журналистике, так что русское общественное мнение довольно быстро приготовится в пользу самостоятельности Финляндии и, при первом движении в России, Финляндия может объявить себя самостоятельною, безо всякой помехи и даже без всякой войны. Сверх того, общество может быть им полезно в сношениях с финляндцами, живущими внутри империи.

Финны могут быть для нас полезны: устройством постоянных сношений с Петерб<ург>ом через Швецию и союзом общества финского с русским, что послужит к усилению того и другого. Через финское общество русское общество может рассчитывать на финнов, служащих в русской армии (5)* или гражданской службе, как на своих агентов, поручать им печатную пропаганду и прибавку числа членов русского общества, клонящегося всё к единой цели военно-народного восстания для созвания земщины. Русские, с своей стороны, станут отыскивать финнов внутри империи и присоединять их к финскому обществу.

Для всего этого необходимо, чтобы финны сами организовали у себя серьезное общество, что для них гораздо легче, чем для нас организация нашего общества. У них географический радиус мал и подручен, и ставится вопрос о самобытной национальности, который один уже способен собрать гораздо больше людей и сил, чем всякий другой вопрос. Без сомнения, мы требуем, чтобы финское общество было организовано и делало бы пропаганду не враждебно России, а в помощь всем стремлениям русской социальной реформы. Таким образом, финны и русские должны намекать, что финны готовы прислать на первый русский земский собор своего уполномоченного, не как члена федерации, а как посланника от самостоятельной Финляндии для переговоров с дружественной Россией о всех вопросах, смежных для обоих народов. Также пропаганда финская и русская должна намекать, что финны готовы служить дружеским звеном, связующим руссо-скандинавский союз, который бы основывался на уничтожении всяких тарифов между Россией, Финляндией и Скандинавией, на пользовании скандинавов в России и русских в Скандинавии всеми гражданскими правами туземца и на обоюдной военной защите против внешних нападений.

Возбуждение финского вопроса печатно и изустно — уже тем равно полезно для русских и для финнов, что заставит русское правительство вздрогнуть и зашататься еще и с новой стороны, на которую оно не обращало достаточно внимания. Вслед за этим правительство, вероятно, усилит полицейские меры в Финляндии, — потому финское общество должно сильно потрудиться организовать деятельную контр-полицию.

* (5) На Кавказе обыкновенно бывало много финских офицеров. — *Примеч. Огарева.*

Для постановки же финского вопроса в русской литературе и русском мнении, финны должны сообщить и нам и обществу подробно: положение своего края — экономическое и гражданское; степень вмешательства и гнета петербургского правительства; экономические, гражданские и политические требования Финляндии (6)* и собственно силы общества. Я не думаю, чтобы финское тайное общество уже теперь было организовано сильно; я думаю, что оно, как и русское общество, состоит на правах зародыша, способного к необычайно быстрому росту. Требуется большая искренность в отношениях, чтобы можно было серьезно помогать друг другу.

Теперь перехожу к литовскому вопросу, о котором с финнами надо говорить совершенно *a parte*. Я думаю, что польская революция действительно удастся только тогда, если восстание польское перейдет соседними губерниями в русское крестьянское восстание. Для этого необходимо, чтобы и самое польское восстание из характера только национальности перешло в характер восстания крестьянского и, таким образом, послужило бы ферментом для целой России и Малороссии. До сих пор я ставлю вопросительный знак — и только. Сведения из Украины показывают, что в крестьянстве настроение совершенно антипольское, то же в Белоруссии. Остается для фермента одна Литва; если в ней движение будет антипанское, то и в Белоруссии, и в Украине легко может быть то же и передаться далее, заменяя характер национальности — крестьянским. Если в Литве движение пойдет не из поземельного крестьянского вопроса, а только религиозное, причем станут жечь русские церкви, то все православное население пойдет против Польши и усилит правительство настоящее, что восстание Польши будет подавлено — как католическое и панское. Что же делать в этом недоумении финнам? Есть ли у них силы на восстание прежде, чем исход польско-литовского восстания сколько-нибудь уяснится? Я не думаю. Стало, им остается делать то же, что и нам, — ждать.

Я считаю большим несчастьем задержку корабля, ибо Д(емонтович) и Б(акунин), более чем кто другой, могли повернуть вопрос национальный на вопрос крестьянский. Теперь и отправка корабля, и способ литовского восстания (принимающий исключительно католический колорит) более чем сомнительны. Обманывать себя не надо. Всего вероятнее, что польский вопрос не дойдет ни до того, чтоб быть ферментом для повсюдного крестьянского восстания, ни до того, чтоб вызвать религиозно-национальные ненависти до жестокого подавления восстания в Польше и Литве. От общего истощения сил он разрешится в какой-нибудь компромисс, который вполнину восстановит Польшу дипломатическими путями — и чрезвычайно обессилит петербургское правительство в общем мнении, равно европейском и русском. Опять нам приходится приняться за работу подготовки следующего русского военно-крестьянского восстания, и тут мы с финнами, естественно, должны идти рука об руку — и никакие особые цели и чужие вмешательства не могут нас разделить. Для нас самостоятельность Финляндии становится такой же дорогою, внутренней мыслью и целью, как для финнов коренное преобразование России из Петербургской в народную и федеративную.

* (6) Наши сведения о Финляндии слишком недостаточны, поэтому необходимо указание источников, где можно бы прочесть:

О сословиях в Финляндии (статистические и юридические сведения).

О промышленности и отношении народонаселения к поземельной собственности.

Об управлении и суде обычном и об изменениях, которые внесло русское владичество.

О настроении умов по сословиям и о средствах объединения умов к одной цели.

Все это надо знать, для того чтоб быть полезным органом для финнов.—

Примеч. Огарева.

Если же финны будут теперь организовать польско-шведский военный союз против России, то мы, сами не готовые к внутреннему восстанию и ввиду разгара только национальных ненавистей — вынуждены будем сгубировать события, но принимать участие в иностранном союзе против России не можем, не потеряв всякого влияния на русских, а может быть и собственного уважения к себе самим. Финны должны объяснить искренно, что они хотят в этом случае; мешать мы им никогда не будем, но характер нашего союза выйдет иной.

Если, паче чаяния, Литва послужит ферментом крестьянского восстания, тогда мы, естественно, соединяемся попрежнему, только решительное действие окажется ближе, чем рационально можно было предполагать. Если корабль доедет до Литвы, если можно набрать русскую дружину (7)* и прямо поставить вопрос крестьянского земства, то иных средств для этого нет, как чтоб доля русской молодежи ринулась в это дело à tête perdue**. Я сомневаюсь в возможности этого. Во всяком случае, начинать об этом переговоры с русским обществом можно только тогда, когда корабль пристанет к берегу, ибо иначе это было бы только бесплодно вооружать мнение русской молодежи против начинаний из мира фантастического. Пусть и Junior и финны всмотрятся ближе в дело, и если все шансы против, то гораздо лучше приняться сразу за союз на серьезную подготовку общего восстания через два, три, четыре года, т. е. тогда, когда все шансы будут в нашу пользу и силы достаточно подготовлены. В этом случае Швеции остается тайное покровительство всего, что мы с финнами будем устраивать; таким образом мы придем, наконец, к самостоятельности Финляндии, к федеральной России, федеральной Польше и к польско-руско-финно-скандинавскому союзу, т. е. союзу полмира, выгодному для развития свободной гражданственности, народного поземельного права, промышленности, торговли и для безбоязненного оплота каждого из союзников против притязаний, военных и торговых, западной Европы.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 436. Записная книжка, лл. 74 об.—83.

* (7) Дружину отнюдь не надо называть *легионом*, как название, которое возбудит недоверие в ковенских старообрядцах, которые будут первым русским крестьянским населением, способным примкнуть к восстанию и служить узлом с остальными, лишь бы Литва не проповедовала *господства* католицизма, а только свободу веры.—

Примеч. Огарева.

** очерта голову (франц.).